ВЛАДИМИР ЯНОВ

Весёлый гороскоп. Новогодние рассказы

Необыкновенные истории, происходившие в городе Находке в новогодние ночи с дружной и весёлой семейной компанией.

(С самой достоверной и интересной информацией о восточном календаре).

г. Находка
2008 г.

ВОСТОЧНЫЙ ГОРОСКОП.

Обыкновенный цикл Лунного Календаря – 12 лет. Каждый 12-летний календарный цикл составлен по старой, уже известной всем легенде. В ней говорится, что Будда перед уходом с Земли созвал к себе всех животных. Однако проститься с Буддой пришли лишь 12 из них. Расставаясь с ними, Будда вручил каждому по одному году правления. Годы были подарены именно в таком порядке, в каком животные прибежали к Будде: Крысе, Быку, Тигру, Кролику, Дракону, Змее, Лошади, Овце, Обезьяне, Петуху, Собаке, Кабану.

Таблица распределения животных по годам.

Крыса	Бык	Тигр	Кролик	Дракон	Змея
1924	1925	1926	1927	1928	1929
1936	1937	1938	1939	1940	1941
1948	1949	1950	1951	1952	1953
1960	1961	1962	1963	1964	1965
1972	1973	1974	1975	1976	1977
1984	1985	1986	1987	1988	1989
1996	1997	1998	1999	2000	2001
2008	2009	2010	2011	2012	2013

Лошадь	Овца	Обезьяна	Петух	Собака	Кабан
1930	1931	1920	1921	1922	1923
1942	1943	1932	1933	1934	1935
1954	1955	1944	1945	1946	1947
1966	1967	1956	1957	1958	1959
1978	1979	1968	1969	1970	1971
1990	1991	1980	1981	1982	1983
2002	2003	1992	1993	1994	1995
2014	2015	2004	2005	2006	2007

ГОД КРЫСЫ (МЫШИ)

Люди, родившиеся в год Крысы, согласно японскому гороскопическому календарю, обладают незаурядной внешностью. Они целеустремленные, трудолюбивые, немного педантичные. Крысы бережливы и любят копить деньги. Нередко завышают свои способности и не прочь прихвастнуть. Чтобы компенсировать свои недостатки, они способны пойти на интригу, могут распространять сплетни.

ДАВИД И ГОЛИАФ.

– Лёва, как будем встречать Новый Год? – с интересом спросил я друга, когда мы в начале декабря после ужина вышли на балкон покурить. – Кстати, это будет Новый Год Мыши. Катя очень беспокоится.
– Люся тоже проявляет нездоровый интерес, – мрачно ответил Лёва, раскуривая трубку.
– Она тоже очень мышей боится. Больше, чем змей, – грустно добавил он, выпустив густую струю дыма.
– А чего их бояться, не съедят же?
– Это не поддаётся научному объяснению. Надо просто принять как факт, что все женщины панически боятся мышей.
– Но мы же не можем отказаться от праздника. Что про нас люди подумают?
– Конечно, нет. Но следует хорошо подготовиться. Чтобы без малейшего сучка.
– Слушай, конкретно, в чём проблема?
– В мышке, – меланхолично ответил Лёва. – Вдруг в разгар веселья эта мелкая тварь выскочит из-под стола? Страшнее диверсии не придумаешь. Это же не лошадь. От неё не спрячешься, в любую щель пролезет. Мне надоело каждый Новый год вытаскивать Люсю из обмороков.
– Так от мышек есть чудесное средство.
– Что ты имеешь в виду? – недоверчиво бросил на меня взгляд Лёва.
–Кошку,– коротко ответил я и победно взглянул на друга.
– Эврика,– радостно прошептал Лёвушка.– Я понял. У моего шефа есть кот Голиаф. Ростом с сенбернара, зубы акульи, а когти – иной тигр позавидует. Я возьму его в аренду всего на одну ночь. Тем более что шеф улетает в Париж на праздники. С этим чудовищем мы можем не бояться даже крокодила, не то, что какую-то плюгавенькую мышку.

Когда мы с Катей новогодним вечером приехали к Лёве на Пограничную, то очень удивились его нездоровому виду. Он был весь в испарине, с подёргивающимся веком.
– Лёва, что с тобой? Ты перетрудился на салате?
– Я Голиафа доставил,– ответил Лёва, испуганно оглянувшись.

Я кинул взгляд туда же и вздрогнул. В дверях гостиной стоял рыжий кот ростом чуть пониже телёнка и, не мигая, подозрительно смотрел на нас.
– Лёва, – спросил я, – а ты уверен, что он ловит именно мышей?

– Боюсь, что мышами он не ограничивается, – ответил друг, снова нервно оглянувшись. – Во дворе этот монстр едва не утащил меня в подвал за голубем, а в пути чуть машину не перевернул, завидев в окне ротвейлера. Да ты не робей, справимся, – не очень уверенно добавил он.
– Должны справиться,– ответил я задумчиво.

Вскоре мы сели за стол и разлили, как водится, по первой, чтобы проводить уходящий год. Но выпить не успели. Яростный хриплый рёв возмущённого кота заставил нас вздрогнуть и оглянуться. Разъярённый

Голиаф выгнул спину горбом и неистово царапал ковёр на стене, от которого летели клочья прямиком в новогодний винегрет. Мы поставили рюмки на стол и прикрыли винегрет блюдцем.
– В чём дело? – ¬ глубокомысленно спросил сам себя Лёвушка. – Может, ему тоже налить?
– Ты с ума сошёл. Тогда он точно распустит нас на ленточки.
– Он, наверное, голоден,– предположила Катя.

Голиаф с аппетитом принялся за жареную котлету, а мы торопливо подняли рюмки. Но выпить опять не успели. Едва мы поднесли рюмки ко рту, как отчаянный вопль Голиафа вновь остановил нас. Наглое животное, забыв про угощение, во все свои жёлтые злые глазищи уставилось на нас в упор и с утроенной силой продолжало драть ковёр, от которого опять летели клочья, но уже в праздничный салат.
– Ну, чего тебе надо? – взмолилась Люся. – Сам поел, дай и нам подкрепиться.
Кот продолжал яростно драть ковёр.
– Я всё понял,– вскричал я. – Голиаф приверженец сухого закона. Выпить сегодня он нам не даст.
– Это что же, мы Новый Год встретим без шампанского? – ахнула Катя.
– Лева, – молвила Люся зловещим шёпотом, прикрывая салат салфеткой. – А кошечки, такой миленькой, ласковой, пушистенькой ты не мог отыскать вместо этого «Годзиллы»?
– Миленькие и ласковые кошечки возлежат на диванах и мышек не ловят,– вкрадчиво пояснил я, выручая друга.
– Мне кажется, что это чудовище питается тоже не мышками,– заметила Катя и опасливо отодвинулась.
– Чтобы там ни было, а я хочу выпить и закусить. Давай заманим его в спальню и закроем дверь, – предложил мне Лёва. – Пусть это завистливое злобное существо там проявляет свой дурной характер.
– Давай,– согласился я.
Лёва отрезал от сочного окорока солидный кусочек и помахал перед наглой рыжей усатой мордой. Голиаф сморщил нос и презрительно отвернулся от подачки.
– Ты смотри, гад, отворачивается. Да это окорок из самой Англии. Его, может, даже мадам Тэтчер кушает.
– Тэтчер может и кушает, – презрительно выдавила из себя Люся. – А мы когда есть начнём. У меня гастрит начинается. В доме мужчины имеются?

– Что ты хочешь этим сказать? – взвился Лёвушка. – Я же не могу против него силу применять. Вдруг он шефу расскажет.
– Ну да, твой шеф сейчас в Париже под Эйфелевой башней Новый год встречает, а мы не можем у себя дома Старый год проводить, как положено. Вот-вот куранты отбивать начнут.
– Может, шваброй попробовать? – робко предложил я.
– Попробуй,– радостно поддержала меня вся компания. Голиаф, кажется, понял наш диалог и вызывающе посмотрел мне в глаза. Я нерешительно пожал плечами и отказался от опасной затеи.
– Друзья, я придумал,– вдруг радостно подпрыгнул Лёва.
Он метнулся в спальню, загремел ящиками комода и через минуту торжественно выплыл оттуда, что-то пряча за спиной.
– Лёва, ты что задумал? Не делай этого. Что ты скажешь своему шефу? – заволновалась Люся.
– Сейчас, сейчас – загадочно повторил Лёвушка, нагнулся и выпустил на пол малюсенькую мышку. Та, проворно помахивая хвостиком, не спеша, посеменила прямиком на кухню. У нас сжалось сердце в предвкушении кровавой драмы, которая сей миг разыграется на наших глазах. Катя в страхе присела мимо стула, а Люся приготовилась упасть в лёгкий обморок. Но произошло нечто совсем неожиданное.

Раздался громкий пронзительный визг, каковой можно услышать лишь в самых жутких голливудских триллерах про оборотней, отчего у нас с Лёвой захолонуло сердце, а Люся привычно откинулась в кресле в лёгком обмороке. Мы в испуге обернулись на Голиафа.

Огромный кот в страхе прижался к полу и дрожал такой отчаянной мелкой дрожью, что на столе звенели хрустальные фужеры, а из бутылки с шампанским с оглушительным грохотом вылетела пробка. Его спина выгнулась такой крутой дугой, что с неё едва не сваливалась шерсть, а налитые кровью глаза с ужасом неотрывно смотрели на смело семенящую и беспечно помахивающую хвостиком мышку. Неожиданно Голиаф стремительно метнулся в сторону от мышки на диван, с которого коршуном перелетел на стол, опрокинув наши блюда и, едва не сбив с ног нас с Лёвой, совершил гигантский прыжок в прихожую, где и затих.

Мы тотчас прикрыли за ним дверь и пожали плечами. Вот так защитника от мышей мы себе отыскали. Тут со всех сторон послышался перезвон праздничных кремлёвских курантов. Едва успев разлить шампанское по фужерам, мы осторожно коснулись ими милого носика так выручившей нас мышки, простенькой заводной детской игрушки, и попросили, чтобы в наступившем Новом Году Жёлтой Земляной Мыши этот милый и шустрый зверёк отнёсся к нам благосклонно.
Неожиданно Лёве позвонил из Парижа шеф и поздравил с наступившим Новым Годом. Узнав, что мы встречаем праздник с Голиафом, шеф встревожился.
– Учтите, однажды Голиафу очень досталось от дебошира-пьяницы. С тех пор он свирепеет при запахе спиртного.

Мы с Лёвой переглянулись. Только сейчас мы поняли, от какой опасности спасла нас в наступающем году маленькая серая мышка, которую мы тотчас дружно нарекли мужественным Давидом.
Утром мы долго искали беднягу Голиафа и обнаружили его в старом разношенном валенке на антресолях. Чтобы извлечь его оттуда, валенок пришлось разрезать. Голиаф жалобно мяукал, затравленно озирался по сторонам и жался к входной двери. Так мужественный малюсенький Давид снова победил огромного великана Голиафа.

ГОД БЫКА (КОРОВЫ)

Люди, родившиеся в год Быка, обладают выносливостью, терпением и немногословностью, они внушают доверие. Однако периодически бывают эксцентричными, вспыльчивыми и упрямыми. В этих случаях их следует остерегаться, в ярости они не знают границ. Они обычно обладают превосходными физическими данными, слывут людьми с легкими характерами.

ГОД КОРОВЫ, ИЛИ ОТЁЛ ПОД ЁЛКОЙ.

Новый год нас пригласил встретить у себя в деревне наш старый знакомый предприниматель Гриша.
– А что, поедем, – бодро заявил Лёва. – Будем встречать год Коровы в коровнике с кнутами в руках.
– С кнутами нельзя,– возразил я – Жёлтая Корова нам этого не простит.
– Действительно, – согласился Лёва. – Тогда поставим кормилицам-поилицам ведро шампанского.
– Шампанское коровы не пьют, – напомнил я. – А вот от тёплого пойла не откажутся.
– Будет им море тёплого пойла,– пообещал Лёвушка. – И охапки свежего сена.
На том и остановились.

31 декабря мы выехали из Находки в далёкую деревню в Лазовском районе. Дорога была хорошо накатана, и через несколько часов спокойной езды мы прибыли в пункт назначения в чудесный миг предновогодних сумерек.

Несмотря на праздничный день, село встретило нас светлой чистотой и удивительным покоем. Недавно выпавший снег слегка припорошил крыши домов, освежил сельские улицы, украсил нежным пушком голые ветви деревьев, подчеркнул прелесть чисто выкошенных полянок на ближних покосах.
У дома нас встретил сам хозяин.
– Вовремя прибыли, – обрадовано заявил он.– Банька пышет жаром, в печи шкворчит поросёнок и румянится пирог.

Жёны занялись праздничным столом, а мы поспешили в натопленную баньку. Распаренные жарким паром от раскалённых камней мы выскакивали наружу и забрасывали друг-друга чистым снежком, затем снова

ныряли в обжигающий жар парной. Усталые, но донельзя довольные, мы ввалились в просторную избу поздним вечером.
– С лёгким паром, – поздравил нас хозяин и пригласил за стол. – Но, к сожалению, мне надо отлучиться к родственникам в другую деревню на часок. Все мои сейчас там, у старшего сына встречают праздник. А вы отдыхайте здесь сами на полную катушку. Только одна просьба. Если я задержусь, через часок угостите коров тёплым пойлом. Оно в углу во фляге. Гриша забрался в свой чёрный джип и уехал, а мы сели за стол. Мы успели славно проводить старый Год Жёлтой Мышки, и очень подготовились к встрече Нового года Коровы, а хозяина всё не было.
– Ребята, а пора коровушек пойлом угостить,– вспомнила Катя.
– Точно,– встрепенулся Лёва, слегка качнувшись. – Мы ведь обещали.
– Да,– согласился я. – Пора помочь хозяину. А где пойло?
– Вон в том углу во фляге,– указал Лёвушка. – Я коровушек уважаю..
– А я их вообще люблю. Они молоко дают, – вторил ему я, вытаскивая из тёмного угла здоровенную флягу. – У, какая тяжёлая.
Вдвоём с Лёвой мы кое-как вытащили посудину во двор и, пошатываясь, принесли в коровник.
– Бурёнушки, а мы к вам с гостинцем,– радушно обратился Лёвушка к двум ладным упитанным животинам, внимательно уставившимся на нас. Ловко опрокинув флягу в кормушку, мы вернулись к столу. Праздник шумно продолжился, но хозяина всё не было. Подняв тост за коровушек, Лёва вдруг встрепенулся:
– Схожу, проверю, как они там, в коровнике?
Через минуту он вернулся, очень встревоженный.
– Ребята, что-то там не так. Одна корова откинула копыта, лежит поперёк стойла и машет хвостом, как опахалом, а вторая еле стоит на разъезжающихся ногах и ревёт благим матом.
– Этого нам только не хватало,– забеспокоились наши жёнушки и побежали в коровник. Мы с Лёвой поспешили за ними. Картина в коровнике действительно была странная. Одна корова полулежала в стойле, мотала головой и протяжно мычала, яростно мотая хвостом, а вторая стояла, широко расставив ноги, положив голову на загородку, и грустно смотрела на нас влажным томным взглядом..
– Ребята, это непорядок, – забеспокоились женщины. – Животные явно не в себе.
– Может, пойла опились? – предположил я.
– А кто знает? Как Гриша просил, так мы и сделали,– оправдывался Лёва перед женщинами. – Просил дать им пойла, мы и дали.
– Ну, куда Гриша пропал? – возмутился я.– Вдруг им совсем плохо станет? Что мы с ними делать будем?
У стоящей перед нами коровёнки вдруг ноги разъехались ещё шире. Она протяжно замычала и неожиданно громко икнула. Люся вздрогнула.
– Я поняла, – пискнула она. – Она телится. Вон, ноги расставила и икает. Я, когда рожала, тоже икала.

– Кто телится? – спросил Лёва и тоже икнул. – Я тоже икаю. Значит, я телюсь?
– Лёва, не валяй дурака. Корова телится. Надо телёночка принимать.
– Люся, ты предлагаешь, чтобы я в твидовом костюме принимал телёночка?
– А что делать? Если телёночек помрёт, Гриша нас не погладит по головушке.
– Тихо, друзья, вопрос надо решать по науке,– вмешался я, крепко держась за стенку.– Надо просто-напросто развернуть эту коровёнку кормой к нам. И тогда телёночек сам придёт к нам в руки. Останется ему только соломки постелить.
– Профессор, а как это сделать? Данное создание и так еле стоит на ногах,– поинтересовался озабоченный Лёвушка. – Как коровку развернуть?
– Очень просто,– пожал плечами я. – Надо к палке привязать краюху хлеба. Корова за ней потянется, а мы хлебушек отодвинем подальше. Так и поставим её, как нам надо.

Я сбегал к столу, принял для храбрости, пока никто не видел, ещё одну штрафную стопочку, и вернулся с куском хлеба, густо посыпанным солью. Затем деловито прихватил бечёвкой хлебушек к длинной жердине и сунул корове под нос. Коровёнка уловила заманчивый запах свежего каравая, встрепенулась и потянулась к нему. Но каравай отодвинулся дальше. Изумлённая бурёнушка, вытянув до невероятности шею, снова потянулась к лакомству. Я опять отодвинул горбушку. И тут свершилось неожиданное.

Истомлённое соблазном животное вдруг резко подпрыгнуло и, ловко извернувшись, на лету поймала вожделенную буханку влажными губами и вмиг проглотила, едва прожевав, небрежно выплюнув невкусную бечёвку.
– Вот это номер! – восхищённо протянул Лёва. – У Дурова в цирке зверей такого не видел.
– Что-то не похоже, чтобы эта хитрая бестия собиралась телиться. Она, скорее, на танцы собирается,– задумчиво протянула Люся.
Коровёнка опять громко икнула и яростно замотала хвостом.
– Ой, телится! Ну что же делать? Пропадёт телёночек, – завопили наши жёнушки. – Роженице помогать надо, – засуетился Лёвушка.
– Вот вы где, – раздался внезапно позади нас удивлённый голос вернувшегося Гриши.– А я голову сломал, куда гости подевались?
– Гриша, где тебя носит?– накинулись на него женщины.– Тут у тебя беда, коровушка телиться надумала. Мы голову совсем потеряли.
– Это какая такая коровушка у меня телится?
Глаза у Гриши стали крупнее чайного блюдца.
– Вот бестолковый, – рассердились наши жёнушки.– Вот эта самая.
Люся ткнула пальцем в сникшую в стойле коровёнку.
– Эта телиться никак не может, – решительно возразил Гриша.
– Почему? – разом накинулись на хозяина женщины.– Она что, яловая?
– Потому что это бык, притом ещё совсем молоденький, Ромкой назвали.
– Как бык? – спросили поражённые женщины, опуская взгляды вниз. – А почему она, то есть он, икает?
– А потому,– грозно насупил брови Гриша,– что вы вместо тёплого пойла угостили моих бычков молодым вином. Ты в каком углу флягу взял? – повернулся он к Лёве.

Наш гомерический хохот заглушил перезвон курантов, донёсшийся из гостиной. Мы едва успели наполнить бокалы шампанским и осторожно коснулись ими юных бычков, по воле случая непрочно стоявших на ногах, но выглядевших совершенно счастливыми.
– Вы как хотите, но я за наступивший год Быка, то бишь, Коровы, совершенно спокоен, – заявил Лёвушка, победно оглядывая всё ещё сконфуженных своей ошибкой женщин.– Этот год должен быть для всех нас самым удачливым и счастливым, потому что наши бычки встретили свой Новый год наверняка лучше всех на всём огромном белом свете.
В подтверждение этих слов бычок Ромка радостно икнул, а мы рассмеялись.

ГОД ТИГРА.

Люди, родившиеся в год Тигра, имеют выразительную внешность. При желании они могут добиться большой власти над своим телом, которое у них очень гибкое, сильное и послушное. Эти люди в большинстве своем чувствительны, властолюбивы, подозрительны и одновременно доброжелательны и ласковы.

ГОД ТИГРА ИЛИ «АМБЕ» ПО МОРДЕ.

Мы с Лёвой решили Новый Год – год Тигра, встретить в настоящей тайге, под живой ёлкой, под треск мороза и рычание грозных таёжных хищников. Подыскали мы в глухом урочище за Михайловкой подходящее зимовьё, затарились основательно продуктами, и 31 декабря на джипе подкатили туда как раз к вечеру.

Декорации были восхитительны. В неширокой долине мелкой речушки, у чуть журчащего где-то в глубине под шапкой льда перемёрзшего ручья стояла аккуратная избушка с железной трубой и печкой внутри. Прямо к избушке с пологого склона сопки подходил густой заснеженный ельник. Древние ели величественно возвышались над нами, снисходительно позволяя нам мелко копошиться у крыльца, освобождая машину от новогодней снеди. Интерьер избушки был небогат, но вполне достаточен для дружеского застолья. Грубоватый стол у мутного окошка был довольно устойчив, лавки удобны и прочны, а на крепко сбитых из жердей и покрытых сухой травой нарах можно было и неплохо отдохнуть четверым чудакам в новогоднюю ночь.

Вскоре в избушке запылала печь, из трубы повалил густой дым от смолистых дров, а в домике запахло хвоей, тушёной курицей и, конечно же – мандаринами. В снегу у крыльца из снежного сугроба горделиво торчала охлаждающаяся бутылка шампанского в компании более крепких напитков. Яркая льняная скатерть, наброшенная на стол, и несколько новогодних картинок по стенам развеселили некую прежнюю мрачность простого таёжного обиталища.

Немножко подкрепившись, мы дружно нарядили яркой мишурой юную ёлочку, росшую возле избушки, и поводили вокруг неё шумный хоровод. Затем,

уставшие и продрогшие, забежали в натопленную избушку и дружным мычанием и кратким тостом проводили старый год Быка. Перед торжественной встречей года юного Тигра вышли наружу остудиться и подышать тайгой. Я с Катей и Люсей устроились на крылечке, а Лёва куда-то исчез по своим делам. Мы сидели тихо-тихо, с удовольствием впитывая восхитительное чудо зимней тайги, окружающее нас со всех сторон.

Когда полная луна скрылась за облаком, стало совсем темно и немножко страшно. Вдруг в кустах за избой что-то зашевелилось, послышались чьи-то осторожные крадущиеся шаги, затем внезапно перед нами из тёмного елового лапника возникла усатая и полосатая, с выпученными бессовестными глазами, наглая до безобразия тигриная морда. Потом из кустов медленно высунулось тощее и длинное туловище царя тайги, за которым по снегу тащился уж совсем нелепый тонкий и длинный хвост.

Мы оцепенели в глубоком молчании. Даже Люся, очень лёгкая на традиционный женский визг, тоже застыла, как под гипнозом. А наглый тигр, подойдя к нам поближе, неожиданно вульгарно повилял задом, затем вдруг поднялся на задние лапы, сбросил с себя полосатую шкуру и обернулся нашим умирающим со смеху Лёвочкой. Рядом с ним на снегу валялись тигриная маска, яркий тигровый коврик и обрывок корабельного каната, изображавший хвост царя тайги.

Наша месть была страшна в своей жестокости. Особо зверствовала Люся удачно подвернувшейся под руку тяжёлой сырой тряпкой. Потому что, во-первых – перепугалась больше всех; во-вторых – потому что лупила не больно, по-родственному; а в-третьих – потому что действительно было за что наказывать. Напугал он нас изрядно. Набегавшись, наигравшись и накричавшись, мы вернулись к столу и с энтузиазмом принялись встречать наступающий год Тигра.

Незадолго перед полуночью, изрядно уже разгорячённая и подогретая Люся выбежала на улицу проветриться. А мы с Лёвой и Катей срочно решили пропустить ещё по одной внеочередной праздничной и, едва опрокинув стопку, вдруг услышали донёсшийся с улицы Люсин голос:
– Ты опять за свои шуточки, пень долговязый. Вот тебе, вот тебе за это. Иди, остынь, и не шути так больше.
Она вернулась с улицы запыхавшаяся и злая, с длинным поленом в руках, всё ещё ругающаяся и негодующая.
– Ты что, Люся? – спросил её удивлённый Лёвушка.– Ты кого там вразумляла? Наши все здесь.
Люся удивлённо взглянула на Лёву, оглянулась на дверь, нерешительно спросила:
– Так ты здесь? А там кто был?

Её глаза вдруг наполнились тихим ужасом, и она грохнулась на лавку в долгий обморок, закатив глаза к прокопчённому потолку. Пока Лёва её откачивал и приводил в сознание, я взял фонарь и вышел на крыльцо. На полянке возле крыльца рядом со следами Люси чётко отпечатались

глубокие следы огромной кошки. Мне стало понятно, кого Люся так яростно воспитывала, приняв за своего озорного Лёвушку.
Внезапно мне стало холодно до мелкой дрожи в коленках. Я вернулся в избу, закрыв дверь на все засовы. Затем, почему-то шёпотом, поздравил присутствующих с наступлением года Тигра, а также с тем, что нас лично изволил посетить сам царь тайги, но, к сожалению, встретил у нас не очень любезный приём. При этом я кинул укоризненный взгляд на ещё не совсем пришедшую в себя Люсю.

И чтобы загладить перед хозяином тайги свою вину, как только из транзистора послышался торжественный бой кремлёвских курантов, мы все подняли бокалы с шампанским и почтительно чокнулись с суковатым поленом, ещё хранившим на себе таинственный запах хозяина тайги. Мы попросили у могучего «Амбы» прощения за ошибку, и пожелали, чтобы наступивший год, Год Тигра был для всех нас, как всегда, удачным и счастливым.

ГОД КРОЛИКА.

Люди, родившиеся в год Кролика, отличаются отзывчивостью и широтой души. Они педантичны, практичны, но и капризны. В жизни, как правило, преуспевают, их материальные дела складываются всегда успешно. Они хорошие коммерсанты. Внешне скромные и кроткие, они, однако, любят позлословить о ближних.

НУ, КРОЛИК, ПОГОДИ!

Незадолго до Нового года мне позвонил мой друг Лёва.
– Здорово, старик! Ты не забыл, что Новый год мы встречаем у тебя?
– Нет, – говорю, – не забыл. Шампанское уже в холодильнике, а ёлка на балконе.
– Так вот, старик, имей в виду, что мы встречаем по восточному календарю год Кролика. Значит, в новогоднюю ночь на столе должен присутствовать символ года.
– А в каком виде? Жареный, тушёный под сакэ, или запечённый в шампиньонах?
– Нет, Коля. Ты ощутимо сдаёшь по сообразительности. Займись хатха-йогой. Говорят, помогает в тяжёлых случаях. Кролик нужен живой, чтобы мы с ним под перезвон курантов смогли чокнуться. Тогда удача нам обеспечена на весь предстоящий год.
– Чокнешься тут с тобой,– сказал я. – А где я его возьму?
– Ну, это уже твоя проблема. Или купи на базаре, или привези из Австралии. Там они дикие, бесплатные, скачут с кенгуру наперегонки, и никого не боятся.
– А где я его держать буду, когда вернусь из Австралии?
– А стенка на что? Закроешь его в ящике, и пусть грызёт свою морковку.
Всего несколько дней, выдержишь как-нибудь.

В Австралию я не поехал, а в ближайший выходной поспешил на рынок, в животный ряд. Там, среди ящиков с поросятами, корзин с курами и баночек с

хомячками я сразу приметил высокого интеллигентного вида мужчину в пальто, но почему-то без пуговиц, держащего на руках очаровательного белого пушистого кролика с ангельски кроткой мордашкой. Я сразу просто влюбился в него, и, быстро сторговавшись, приобрёл эту прелесть очень недорого. Я назвал его Филипп, в честь моего дедушки, который тоже был белый и лохматый.

Придя домой, я понял, почему у интеллигентного мужчины на рынке не было пуговиц на пальто. У меня их тоже не оказалось. Это премилое создание добралось даже до брюк, но не успело расправиться с ними аналогичным образом.

– Ах, ты, плутишка! – погрозил я Филиппу пальцем и похолодел. Невозмутимый шалун сидел на книжной полке и флегматично отгрызал уголок у только что раздобытого мной с превеликим трудом роскошного издания известного писателя, которое я подарил моей Кате к Новому году. Это было уже слишком. Я перевёл хулигана в партер на пол и сел пришивать пуговицы. Когда я пришил последнюю пуговицу и бросил взгляд на пушистое создание, то обнаружил его догрызающим любимую тёщину тросточку. Это была уже не шалость, а форменная диверсия под мою семейную жизнь.

Ночь Филипп был вынужден провести в изоляции в нижнем ящике моей импортной стенки. Утром я подпёр ящик стулом, бросил ему морковку и с неясным чувством беспокойства отправился на работу. Вернувшись с работы, я не сразу обнаружил своего беспокойного квартиранта. В ящике зияла аккуратная, словно выпиленная лобзиком, чёрная дыра. А мой герой смирно сидел у окна на кадке и с аппетитом дожёвывал фикус.

После этой отчаянной драмы в квартире было введено осадное положение. На кухню была доставлена стальная клетка с секретным замком, в котором отсиживался неутомимый грызун. Ключ от клетки я носил у себя на шее вместо крестика. Прогулки по квартире совершались строго по графику, причём, только на поводке.

Однажды во время прогулки с Филиппом по квартире мне позвонили. Увлёкшись разговором, я на мгновение упустил из виду стосковавшегося по свободе узника. После разговора я обнаружил в руке лишь огрызок поводка, а мой поднадзорный исчез, словно это была не квартира, а джунгли Амазонии. Я перерыл всю квартиру, заглянул даже к соседям под кровать, но тщетно. С большим облегчением я уже смирился с его исчезновением, когда вдруг обнаружил его счастливую мордашку, высовывающуюся из кадки с фикусом. За это время он успел создать там для себя целый пещерный городок.

К празднику обе воюющие стороны благополучно выдохлись, и наступило, как мне показалось, новогоднее перемирие. Филипп по случаю Нового года был выпущен на свободу, правда, под усиленный надзор, и даже получил лишнюю морковку.

Вечером стали съезжаться гости. Всё началось с того, что Лёвушкина жена Люся была несколько близорука и, увидев мелькнувшего у неё под ногами Филиппа, решила, что это большая белая крыса, и с визгом лёгкой бабочкой вспорхнула на старую вешалку.

Видавшая многое, но не такое, бабушкина вешалка не выдержала и рухнула, прихватив по дороге торшер и аквариум. Откопав под ворохом одежды почти задохнувшуюся, в мокром платье, с водорослями на причёске и с золотыми рыбками в глубоком праздничном декольте Люсю, мы поняли, что уходящий год действительно был годом разъярённой тигрицы, и что, к несчастью, он ещё не закончился.

Когда непрочный мир был всё-таки восстановлен, вдруг выяснилось, что Филипп за это время успел обеспуговить всю нашу верхнюю одежду. Возмущённый Лёва кинулся искать виновника переполоха и обнаружил его в праздничном салате. Пытаясь его отловить, Лёвушка столкнул на пол бутылку шампанского, которая взорвалась, подобно ручной гранате, окончательно испортив новогодние туалеты наших дам. Пока наши жёны выходили из глубокого шока, мы с Лёвой поймали всё-таки возмутителя спокойствия и злорадно водворили его в стальную клетку. Перед самой полуночью мы кое-как попытались успокоиться, убеждая себя в том, что это ведь не международный террорист, а всего-навсего обыкновенный белый кролик. Мы наспех прибрали в доме, навели порядок на столе, и с последним ударом курантов мрачно чокнулись с клеткой Филиппа. И в этот торжественный момент столик рухнул. Оказывается, Филипп как-то успел перегрызть у него ножки.

Наши гости уходили явно побеждённые. Голодные и озябшие, при отсутствии пуговиц подвязанные шарфами, они являли собой жалкое зрелище. При расставании я напомнил Лёве, что следующий Новый год мы встречаем у него, и это будет год Дракона. Так что пусть подготовится заранее. А этот год Кролика мы запомним надолго.

ГОД ДРАКОНА.

Люди, родившиеся в год Дракона, обладают смелостью, отвагой, прекрасным здоровьем. Они энергичны, легко возбудимы, иногда резки и упрямы, своевольны и мстительны, но, как правило, стараются быть справедливыми. На них можно положиться. У Дракона доброе сердце и он нередко позволяет другим брать над собой верх.

СЮРПРИЗ ИЗ ГОНКОНГА.

Своему другу Лёвушке я позвонил незадолго до Нового года.
– Ты не забыл, что грядёт год Дракона, и мы встречаем его у тебя? – спросил я не без злорадства.
– Я всё помню,– грустно отозвался Лёва. – Но Люся очень просила, чтобы живых драконов у нас не было. С неё вполне достаточно прошлогоднего кролика Филиппа.
– Как знаешь. Я не настаиваю. Идея с кроликом была твоя. Но мы не учли талант исполнителя, и потому проиграли сражение. Кстати, у моих знакомых в деревне Филипп уже стал патриархом огромного семейства.

– Я очень рад за него, но Люся надеется, что на Новый год у нас будут на столе лишь гастрономические сюрпризы. Скажем, ты с Катей приготовишь салат «Дракон», а мы с Люсей поставим на стол пирог «Змей Горыныч». На том и порешили.

Неумолимое время торопливо катило год пожилого Кролика прямо в пасть юному Дракону. Перед самым Новым Годом, когда мы уже собрались дома у Лёвы и дружно помогали жёнам накрывать праздничный стол, нам позвонил прямо из Озёрных Ключей давнишний знакомый Аркадий, и мы пригласили его к нам на встречу Нового года.

Аркадий, добрый малый, опытный судовой механик, убеждённый холостяк и неистощимый балагур, только что прилетел из Гонконга, сдав там своё судно очередной вахте. Он ввалился к нам сразу после одиннадцати, непривычно смуглый от жаркого тропического солнца, поставил в угол прихожки серый потёртый саквояж, а на него длинный фанерный ящик, перехваченный тесёмкой.

Едва мы проводили год Кролика шампанским с морковкой, и приготовились встречать год Дракона, как Аркадий спохватился и выбежал в прихожую.

– А что я вам привёз,– приговаривал он. – Обхохочетесь. Это сюрприз вам из Гонконга.

Вернулся он в комнату с натуральным метровым крокодилом.

– Смотрите, какое чудесное чучело я привёз. Чем не Дракон? – восторженно завопил он и сочно чмокнул чучело в самый кончик носа. Чучело вдруг резко шевельнуло хвостом и, разинув зубастую и клыкастую пасть едва не на ширину комода, ловко откусило у Аркадия его яркий заграничный галстук у самого узла.

В наступившей вдруг хрустальной тишине раздался оглушительный женский визг. Судорожно разжав пальцы и отшвырнув от себя так не вовремя ожившее чудище, Аркадий вновь стиснул их, но на богатой Люсиной люстре. Я, подобно кенгуру, одним прыжком перелетел через всю комнату и успокоился лишь на высокой спинке дивана, с которой удобно было обозревать происходящее. Лёва деловито устроился в платяном шкафу, как-то умудрившись прикрыть его изнутри. С высоких антресолей в коридоре раздавалось тихое женское перешёптывание:

– Как ты думаешь, Катя, с кого он начнёт?

– Хорошо бы с Аркадия. Ведь он холостяк.

Но виновник переполоха со строгим драконьим взглядом и сухими бесстыжими глазами, криво переступая лапами и размахивая хвостом, направился прямо к столу. Забравшись на него, он с интересом отведал салат «Дракон», проглотил, не задумываясь, пирог «Змей Горыныч», без сожаления уничтожил красиво уложенный на блюде микояновский сервелат, и вместе с фужером допил моё шампанское. Завершив лёгкий завтрак лососиной первой свежести, он поднял голову и задумчиво, с явным личным интересом посмотрел на висящего над ним Аркадия.

– Уберите чучело. Я падаю,– пищал он сверху.

– Сам ты чучело,– тихо, чтобы не услышал крокодил, ответил ему Лёвушка из шкафа.– Ты мне за всё ответишь, как только этого монстра укротим. Но монстр услышал и направился к шифоньеру. Лёвушка ойкнул и притих серой мышкой. Чучело почесало свою иззубренную спину о ножку шкафа, отчего она рухнула, как подпиленная. Надо было спасать Лёву, которого одолевали уже прощальные чёрные мысли.

Женщины воспользовались своей недосягаемостью и ловко метнули в хищника с антресолей старым валенком, но промахнулись. Я же тихонечко сидел на спинке диване и пытался прикинуться бюстом античного мыслителя Сократа, полагая, что крокодилы должны беречь великих философов. Наконец Аркадий, используя богатый опыт предков, качнулся на люстре, и в отчаянном порыве перелетел на диван, с него на праздничный стол, откуда швырнул в злобного людоеда прекрасным тамбовским окороком. Эта тяжёлая торпеда попала точно в цель.

Оставив покачнувшийся шкаф с притихшим Лёвушкой в покое, монстр с аппетитом принялся за окорок, а нам оставалось лишь с завистью взирать на это лукуллово торжество. Покончив с подарком из Тамбова, крокодил сыто и сонно, во всю пасть зевнул, из глаз у него полились обильные слёзы проснувшейся совести, он спокойно отправился в ванную, где плюхнулся в воду и затих.

Спас нас опять-таки Аркадий. На цыпочках он подкрался к ванной, запер дверь на шпингалет, подпёр дверь, на всякий случай, ещё и шваброй, затем упал на пол и захохотал, как блаженный, повторяя сквозь спазмы и корчи смеха:
– Вот так чучело! Вот так сюрприз из Гонконга!
Из перекошенного шифоньера осторожно выбрался Лёвушка, осмотрелся по сторонам, и, не заметив опасности, заявил:
– Вот так погуляли! А где наши жёны?

Мы с большим трудом сняли с антресолей наших милых женщин. Причём, они толком так и не смогли нам объяснить, как смогли туда забраться. Отсмеявшись, мы нашли в кладовке старенький собачий намордник и надели его на спящего в ванне героя новогоднего переполоха. Как мы все уже поняли, на шумном восточном базаре Аркадий перед вылетом сюда приобрёл вместо чучела живого усыплённого крокодильчика, и чартерный рейс мигом доставил их обоих из жаркого Гонконга в трещавший морозами и пахнущий новогодней хвоей Владивосток.

Едва мы успокоились, как отовсюду послышался новогодний бой кремлёвских курантов. Мы наполнили бокалы праздничным шампанским и с приходом года Дракона все разом чокнулись с симпатичным премиленьким дракончиком, в смешном намордникe шлёпающем по полу вокруг нас, и плачущим счастливыми крокодиловыми слезами. Не часто ему, видно, случалось ранее лакомиться микояновским сервелатом и роскошным тамбовским окороком.

ГОД ЗМЕИ.

Люди, родившиеся в год Змеи, весьма своеобразны. Они от рождения наделены мудростью, очень практичны и тщеславны, но одновременно могут проявлять недобросовестность в отношении самых близких и преданных им людей. Их финансовые дела идут успешно. В подавляющем большинстве Змеи скуповаты, хитры и изворотливы, но и им не чуждо сочувствие другим.

НЕУДАЧНЫЙ ТРЮК ИЛИ ЗМЕЯ В САЛАТЕ.

Встречать Новый год – Год Змеи, мы решили вместе с нашей фирмой в кафе «Якорь». Мы справедливо полагали, что это будет и дешевле, и веселее в кругу друзей и коллег, и что это, наконец, поможет нам избавиться от новогодних сюрпризов, преследующих нас от года Мыши. Тем более, что здесь нас ожидала масса весёлых мероприятий – самодеятельность, новогодняя лотерея, дискотека с маскарадом и прочие интересные номера, которые держались организаторами в тайне. Нам всем четверым поручили проведение лотереи с сюрпризами, чем мы очень увлеклись, и за предпраздничными хлопотами незаметно пролетело время.

Наконец наступило 31 декабря. Против обыкновения не опоздав, мы все четверо – я с Катей, Лёва с Люсей с большим дед-морозовским кумачовым мешком за плечом, в котором находилось множество мелких призов для победителей викторин и лотерей, явились в назначенное время в кафе, где царило ожидание праздника. Сдавая одежду в гардероб, мы поставили мешок с призами в сторонке за колонной, чтобы он никому не мешал. А когда освободились от одежды, мешок оказался почему-то под пальмой у окна. Мы с ним прошли в зал, сели за свой столик у небольшой эстрады, а мешок поставили под стол, предварительно развязав, чтобы можно было быстро доставать призы. На столе уже стояли холодные закуски, фрукты и запотевшая бутылка нашего любимого полусладкого «Советского Шампанского» с чёрной глянцевой наклейкой. Едва мы расселись и освоились за столом, как на небольшую сцену, возле которой находился наш столик, впорхнула прехорошенькая Снегурочка – секретарша нашего шефа Леночка и стала искать Деда-Мороза. Она быстренько нашла его с нашей помощью в большущем сундуке под ёлкой, закрытом на огромный амбарный замок. Дедушка-Мороз с ватной бородой и по-юношески молодыми задорными глазами, поздравил нас с Новым Годом, мы пригубили шампанское, потом нас поздравил сам шеф, и мы опять выпили, затем держали речь его многочисленные заместители. Каждый из них провозглашал свой новогодний тост, который мы активно поддерживали уже не только шампанским. Затем со сцены три молоденькие экономистки спели под фонограмму знаменитые «Пять минут», потом били куранты, и шампанское лилось уже под метель из конфетти и серпантина.

Когда мы чуть поутихли, в зале притушили свет, оставив его лишь на сцене, на которую вынесли сначала маленький коврик, затем кумачовый мешок, очень похожий на наш, а за ним мелким семенящим шагом на сцену прошествовал непрерывно кланяющийся, небольшого роста худенький «индус» – Илья Петрович из отдела снабжения в белой чалме, босиком, в восточных

зелёных шароварах и в белой майке, на которой красными буквами было выписано: «Ай лав ю – перестройка». Он остановился, ещё раз поклонился нам, затем сел на коврик, сложив ноги по-восточному, распустил узел на мешке, достал из шаровар флейту и заиграл тягучую индийскую мелодию.

Праздничный зал затаил дыхание, ожидая жуткий парад змей. Но змеи не спешили. Весь зал с напряжением следил за мешком, но он оставался абсолютно неподвижным. Тон флейты поднимался всё выше и выше, временами почти до ультразвука. «Индус» – артист в недоумении прожигал глазами дырки в мешке, но из него не вылез даже таракан. Он пытался в него заглянуть, даже подпихивал мешок исподтишка коленом, но безуспешно. Мешок был незыблем, как береговой утёс. Вдруг Люся, сидевшая напротив меня, как-то странно зашипела.

– У тебя, Люсенька, неплохо получается, – пошутил я, не отрывая взгляда от злополучного мешка.— Ну, совсем как индийская кобра.

– Это ты так классно шипишь, совсем как египетский аспид,– как-то странно парировала она, тоже не отрывая глаз от сцены, и снова злобно зашипела. Потом она зябко передёрнула плечами, прошептала мне раздраженно почему-то:

– Перестань! Глупо!– бросила на меня быстрый негодующий взгляд, издала какой-то неопределённый булькающий звук и застыла, как окаменела. Я взглянул на неё и тоже замер.

Перед застывшей в параличе Люсей прямо в блюде с салатом лежала свернувшаяся здоровенная змеюка, а голова её в боевой стойке покачивалась в такт переливам флейты рядом с изящным Люсиным ухом, в котором кроваво поблёскивала золотая серёжка с капелькой рубина. Зловещая рептилия тихо шипела, продолжая медленно покачиваться, и с ней вместе стала покачиваться, словно загипнотизированная, Люсенька. В её глазах отражался такой животный ужас и отвращение, а ногти с такой силой впились в поверхность стола, что мне стало ясно, что её немедленно надо спасать.

– Ш..Ш..Шпокойно,– как можно медленнее прошипел я.– Не дёргайш..ш..ш..я. Этой тва-а-а-ри того и на-а-а-а-до.

Змеюка, отреагировав на моё вмешательство, надменно и плавно повернулась ко мне и посмотрела мне прямо в глаза. Мне стало не по себе. Так, очевидно, чувствуют себя кролики на обеденном столе анаконды, и манекенщицы на подиуме. Я попытался ласково улыбнуться этой твари, но у меня получилось нечто неловкое и жалкое. Холоднокровное пресмыкающееся именно так оценила моё выступление и презрительно отвернулось к Люсиной сережке. Люся застыла восковой фигурой и, казалось, не дышала. Это длилось мгновение, но нам оно показалось длиною в жизнь.

А на сцене в это время разыгрывалась другая драма. Заливаемый потом и без меры обескураженный горе-факир, выводя на флейте высочайшие рулады, безнадёжно раздувая щеки и дико вращая глазами, все сильнее и всё откровеннее попинывал настырный непослушный мешок. Наконец он не выдержал. Отбросив осточертевшую флейту, он в трагической позе Отелло, медленно обеими руками влез в мешок и так же медленно, с совсем обалдевшим видом стал вынимать оттуда… наши призы – куклы, машинки,

шоколадки, книжки и прочую мишуру. Вдруг он напрягся, зацепив что-то, и осторожно вытащил из мешка на всеобщее обозрение наш суперсекретный, самый забойный приз – огромный метровый рекламный розовый бюстгальтер 120-го размера.

Зал взорвался так, что только чудом уцелели окна и люстры. Это невозможно изобразить и описать. Это надо было видеть. Ничего не понимающий артист обессилено сел с главным призом в руках на край сцены, свесив босые ноги вниз и, наконец, взглянул в зал, где увидел наш стол, за которым разворачивалась финальная сцена.

Оглушенная убойным хохотом змея очнулась и громко в отчаянии опять зашипела на Люсю. Люся этого не вынесла и, в свою очередь, яростно зашипела в ответ. Змеюка, не ожидавшая такой реакции, ответила тем же, но в ещё более яростной тональности. И тут Люсенька выдала такую отчаянную шипящую ариозу, и с такой невероятной гримасой, что у виновницы переполоха не выдержали её знаменитые змеиные холоднючие нервы, и она поспешно ретировалась из салатницы под стол, откуда совершила отчаянный марш-бросок к стоявшим неподалёку музыкальным инструментам, где и пропала.

Только тут публика стала кое-что понимать. Все сидели с открытым ртом, совершенно забыв про Новый Год, и ждали продолжения необыкновенного спектакля. Незадачливый факир – заклинатель подошёл к нам и как-то грубовато, словно мы были в чём-то виноваты, спросил в открытую:
– А где остальные?– чем тотчас вырубил ещё не совсем пришедшую в себя Люсю, вновь беззвучно обмякшую на стуле. Моя Катя и Лёвушка разом подпрыгнули, словно обнаружили, что сидят на снаряженном фугасе, а у меня сразу так зачесалось всё тело, словно на меня вытряхнули мешок, плотно набитый голодными кошачьими блохами.
– А сколько их должно быть? – задали мы правомерный вопрос факиру-неудачнику. – Ещё две,– злорадно ответил он, тотчас отправив едва очнувшуюся Люсю в ещё более глубокий нокаут. Пришлось брызнуть на неё охлаждённым шампанским.

В это время на сцену бодреньким шагом вышли ничего не подозревающие оркестранты. Пока у нас шла драма с «шипящими», они спокойно отсиживались у себя в отдельном кабинете, тоже встречая Новый Год. Они полагали, что мы уже хорошо посидели, разогрелись, и решили, что нам пора встряхнуться. Быстренько разобрав инструменты, решительные молодые люди в строгих черных костюмах и с «бабочками» под «битлов» оглушительно грянули заводную пугачёвскую «Эй вы там, наверху».

Вечер покатился дальше. Оркестр был в ударе, одаряя нас очередным шлягером. Особенно выделялся бас-гитарист с длинными волосами, который с большущей гитарой, задавая ритм, прыгал орангутангом по сцене, заводя гостей. Во время его очередного па я взглянул на него и…. опять остолбенел. Из узкой прорези его гитары, разъярённо шипя, выползала наша старая знакомая. Это увидел весь зал и тоже замер. Ничего не ведал об этом только сам гитарист, прыгающий по сцене с закрытыми глазами и весь погруженный в загадочный мир поп-ритмов. Однако разъяренная чудовищной

тряской змея обвилась вокруг грифа инструмента и сбила звучание, отчего гитара стала давать «петуха», звенеть и дребезжать. Лохматый ритмотворец удивленно открыл глаза, и кинул взгляд на свой, ставший вдруг таким непослушным, инструмент. Лучше бы он этого не делал.

Увидев на струнах громадную змеюку, он повёл себя несколько странно. Вместо того, что бы сбросить с себя гитару, он начал безумно носиться по залу, обрывая провода, опрокидывая столы и посуду, дико что-то вопя и тряся инструментом. Перепутанные провода заискрили, что-то задымилось, перепуганные женщины шарахались от змеи и проводов, опрокидывая мебель. Поднималась дикая паника, и это могло закончиться гораздо печальнее, если бы тоже вконец очумевшая змеюка не решила, что на сегодня уже довольно. Во время очередного пируэта гитариста она ловко спрыгнула под наш стол и спряталась в родном красном мешке, спасаясь от неожиданно одичавших людей. Факиру осталось только завязать мешок и вытереть пот со лба.

Вторую рептилию, чуточку поменьше, мы вытряхнули из большого барабана чуть живую. Она только крутила головой и разевала беззвучно пасть, не имея сил ни ползать, ни даже шипеть. Вот вам пример воздействия современного искусства на беззащитный животный мир. Несчастное пресмыкающееся осталось только пожалеть и отправить в мешок вслед за первой. А вот третью змею, самую маленькую, мы так и не смогли найти, обыскав всё помещение с тщательностью сапера, перетряхнув все инструменты, одежду, и высветив самые глухие и тёмные углы.

Остальная часть новогоднего вечера прошла менее насыщенно и увлекательно. Наши сразу потускневшие викторины и лотереи не смогли соперничать с только что состоявшимся драматичным шоу-экспромтом. Люся к концу вечера несколько отошла, вспомнила про Новый Год и даже станцевала два танца с Лёвой и со мной. Домой мы отправились далеко за полночь. Утром меня разбудил звонок встревоженного Лёвы.

– Старик, срочно приезжай, с Люсей опять плохо.

Оказалось, что, едва проснувшись, Люся решила подкрасить свои бледные после вчерашнего праздника губы, и полезла в свою косметичку, но вместо помады вытащила оттуда третью змеюку. Шок был стремителен и беспощаден. Обошлось без «скорой», но пока мы отловили третью проказницу, еле отыскав её в тубусе с чертежами, Люся целый час просидела в шубе на промороженном балконе, зная наверняка, что туда на мороз никакая змея не сунется.

Однако, отловив последнего террориста, нашего милого приморского полоза, опасного только для мышей, мы напоили его молоком и уложили спать в тёплый коробок у батареи, предварительно чокнувшись с ним фужерами с шампанским, чтобы Новый Год—Год Белой Металлической Змеи, стал для нас и для нашего города действительно Новым и Счастливым.

ГОД ЛОШАДИ.

Люди, родившиеся в год Лошади, обладают хорошим характером, умны,

проницательны, прекрасно владеют речью. Они не боятся тяжелой работы, выполняют ее добросовестно, с терпением и самоотверженностью. Они многое умеют, всегда стремятся узнать еще больше нового, не останавливаются на достигнутом. Однако восточный календарь отводит им и менее лестную роль: мужчины способны без угрызения совести топтать всех, кто встал на их пути, женщины же, создав семью, считают себя ее главой, часто поступают эгоистично.

НОВОГОДНИЙ ПЕРЕПОЛОХ , ИЛИ ЛОШАДЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ.

Казалось, совсем недавно мы встречали год Змеи, но быстро отзвенело знойное лето, отшуршала сухим листом осень, и вот на нас уже стремительно накатывает очередной Новый Год — год Белой Лошади.

– Нет, хватит с меня новогодних чудес, – прямо-таки «задымилась» от новогодних воспоминаний наша Люся. — Хочется чего-нибудь эдакого, – она как-то неопределённо покрутила ладошкой в воздухе, – спокойного, свежего, романтичного.

Подобное заявление заставило нас с Лёвой крепко задуматься. Наконец он позвонил через неделю:

– Эврика, старик, придумал? Представляешь – новогодняя ночь, Млечный путь, как у Гоголя, помыт и потёрт снегом. Ёлка, наряженная во дворе, мороз рождественский трещит за окном, а мы, как белые люди, сидим у камина, пьём шампанское и смотрим РТР. Класс! А конкретно, Стасик, наконец, дачу свою достроил за Голубовкой, и приглашает нас к себе на новогоднее новоселье. Это ведь не в тайге, как в прошлый раз, в год Тигра, а в мирной, спокойной деревне. Грех не воспользоваться случаем.

Люсе это предложение не то, чтобы понравилось, но, подозрительно долго подумав, она всё-таки на него согласилась. На том и остановились. Новогодняя ночь выдалась, действительно, лучше не придумаешь. Приморская зима, обычно не балующая нас снегом, перед самым Новым Годом, как бы спохватываясь и наводя порядок, запоздало вывалила нам на радость двухмесячную норму снежного изобилия. Успев подмёрзнуть, снег празднично скрипел под ногами. Вечером мы все вчетвером, я с Катей и Лёва с Люсей, не спеша, доехали до новенькой Стасиковой дачи, но хозяев там не обнаружили. Однако Лёва быстренько нашёл ключи в условленном месте, и скоро в уютном домике с большими окнами на настоящий лес жарко запылал камин, пронзительно и неотразимо запахло мясом, луком и апельсинами. Старенький столик под новенькой пёстрой скатёркой быстро заполнился принесённой снедью, а в сенях торжественно стыло «Советское Шампанское».

К десяти часам у нас уже всё было готово, но хозяина так и не было. Ожидая его, мы сидели у пылающего камина и смотрели в незанавешенное окно, через которое на нас в упор смотрела чёрная, немного жутковатая в своей загадочности, новогодняя ночь. В голову полезла всякая чушь. За окном что-то громко заскрипело, вдалеке ухнуло, на чердаке тоже послышалось

некое неясное шевеление. И тут моя жена Катя спросила явно не в тему:
–А тигры здесь водятся?
–Ты что, откуда им тут взяться? – бодренько ответил Лёва, как будто она спросила про гиппопотамов из Габона. – Это же не тайга?
Он нервно встал, подбросил в камин два последних поленца и отправился на двор за новой вязанкой. Но, едва выйдя за дверь, он тотчас стремительно влетел обратно и захлопнул её с такой силой, что едва не вынес её вместе с косяком.
– Т-т-т-там кто-то есть, – выпалил он свистящим шёпотом. – За дровами стоит, с хвостом, храпит, как кошка, только громче.
–Тигр, я так и знала, – запричитала Люся, готовясь падать в обморок и отодвигаясь для этого от камина.
– Да вы с ума сошли, какой-такой тигр здесь может быть? – неуверенно вымолвил я и подошёл к двери. За ней кто-то мягко переступил ногами, засопел, а затем легонечко фыркнул.
–А тигры фыркают? – спросил я едва дышащую от страха компанию.
– Ещё бы, – прошептал в ответ Лёва. – Они и мычать могут. Говорят, они так оленей и коров в тайге обманывают.
– А если он в дом полезет?—нервно спросила Люся.
– Не должен, – успокоил её озабоченный Лёва.
– А вдруг он очень голодный? – не унималась Люся.
– Тогда будем отбиваться шампурами. Но должен сказать, что тигр очень разборчив в еде и всегда берёт только столько, сколько сможет съесть. Так что, кое у кого есть шанс встретить и следующий Новый год.
– Успокоил, называется, – застонали в ужасе женщины. И тут я вспомнил.
– Послушайте, ведь у Стасика где-то здесь ружьё есть, двустволка двадцатого калибра. Тут тайник должен быть. Мы принялись ползать по полу, пробуя половицы и пытаясь нащупать слабое звено. Но тут на крыльце что-то упало, с шумом и грохотом посыпалось, совсем рядом с дверью засопело и фыркнуло.
– Ой, он сюда лезет. Держите дверь, – запищали женщины и кинулись в дальний от двери угол. И в этот трагический момент Лёва произнёс ликующим шёпотом:
– Нашёл! Есть тайник!

Он поднял одну из досок, запустил руку в чёрный проём и вытащил початую бутылку водки. Повертел её, осторожно поставил на пол и полез ещё. Затем он вытащил стакан, аккуратно укутанный в полиэтиленовый пакет. Мы не знали, плакать нам или смеяться. Мы нашли заветную Стасину заначку, припрятанную так, на всякий случай.
Тут в сенях уже по-настоящему грохнуло, зазвенело, кто-то фыркнул, чихнул и заскрёбся в дверь. И в этот действительно трагический момент Лёва заорал не своим голосом:
– Нашёл! Подпол нашёл. Все за мной! Мы спасены!

В одно мгновение мы все нырнули в тёмный провал подполья и захлопнули за собой крышку. Кто-то очутился на старом тряпье, кто-то на банках с вареньем. Лёва угодил на старые грабли и тихонько чертыхался в

темноте. Зато теперь мы были в полной безопасности. В настороженной тишине мы услышали, как у двери завозились, затем дверь тихонечко отворилась, и в комнату кто-то вошёл, остановившись у порога.
В этот самый момент, когда мы были на пределе возможного ужаса и готовились к самому страшному, сверху раздался недоумевающий голос Станислава:
– Вот те на! Куда это они все разом пропали. Бермудский треугольник какой-то.

Когда мы вылезли из погреба, вид у нас был вовсе не новогодний. Катя с Люсей были в паутине, как в серпантине. Лёва сел на взорвавшуюся банку с вареньем и стоял, глупо оглядываясь, а у меня на макушке оказалось мышиное гнездо.
– Вы что, друзья, в прятки играете? – не понял Станислав.
–Какие прятки? – с досадой прошипел Лёва. – Ты тигра там не видел?
Гомерический истерический хохот бил и трепал Станислава не менее пяти минут. Он так самозабвенно смеялся, что едва не свалился в камин. Наконец он поутих немного и смог выдавить сквозь слёзы:
– Да это же Манька, лошадь дачного сторожа. Я её частенько угощаю всякой всячиной, вот она и пришла полакомиться. Думала, что я приехал.
До Нового года оставалось несколько минут. Шашлыки наши пригорели, блюда остыли. Но самое первое, что мы сразу сделали после прихода Станислава, отрезали здоровенный ломоть чёрного хлеба, густо посыпали его крупной солью, и угостили этим лакомством нашу славную Маньку, так переполошившую нас в новогоднюю ночь. Она со вкусом жевала угощение, прядала ушами и мотала от удовольствия головой, совершенно не ведая, что своим приходом подарила всем нам очередной счастливый Новый Год – Год Доброй Белой Лошади.

ГОД КОЗЫ (ОВЦЫ).

Люди, родившиеся в год Овцы (Козы), обладают одновременно и покладистым характером, и имеют большую долю упрямства. Это люди искусства, они утонченные, возвышенные натуры, любящие все прекрасное. На первый взгляд все у них складывается удачнее, чем у других, но достигается это лишь за счет умения приспосабливаться к окружающим их людям и обстоятельствам.

ГОД КОЗЫ ИЛИ НОВОГОДНЯЯ КОРРИДА.

Новый Год Козы на этот раз мы решили опять встречать в деревне у нашего друга Васи. У него был небольшой двухэтажный коттедж с огородом, лугом и даже небольшим леском на пригорочке за просёлком. 31 декабря мы добрались до его деревни уже под вечер. Но в самом конце пути дорога была переметена высокими снежными сугробами и наша «тойотка» не смогла преодолеть это неожиданное препятствие. Пришлось нам, навьюченным новогодним приятным грузом, состоящим из рюкзаков, набитых банками,

склянками, пакетами, брикетами, а самое главное – бутылками, тащиться печальной гурьбой через пустырь вдоль деревенского худого частокола до Васиных резных ворот.

Пройдя почти половину пути, мы остановились передохнуть возле старой раскидистой вербы у дороги. Тихий ясный вечер обещал звонкую и морозную новогоднюю ночь. Настроение у нас было предпраздничное и мы, решив отметить такой прекрасный вечер и благополучное прибытие в объятия природы, прямо здесь на дороге разлили по маленькой в походные стопочки.

–Ну, с Наступающим Новым Годом, годом Чёрного Козла, друзья,– благодушно произнёс тост Лёва и, молодецки крякнув, с удовольствием выплеснул стопочку охлаждённой водочки в запрокинутый рот. Но закусить он не успел. Опрокинув свои столь же желанные стопочки и открыв прикрытые от удовольствия глаза, мы вдруг с удивлением увидели Лёвушку почему в сугробе по ту сторону дороги.

– Ты что, летать научился? – недоумённо спросил его я и тотчас оказался в том же сугробе рядом с ним. Наши жёны что-то заверещали, но поскольку мы оба головами торчали в сугробе, исполняя в воздухе ногами какой-то фантастический снежный «брейк», толком ничего понять мы не могли. Наконец, вынырнув из сугроба и отряхнувшись, мы с Лёвой увидели невероятную, просто фантастическую картину – на наших оробевших жён мелкими шажками надвигался страшный, рогатый, бородатый, свирепо ревущий зверь в чёрной косматой шубе, ежесекундно становящийся на дыбы, наносящий разящие удары своими копытистыми лапами, как классный каратист.

– Лёва, кто это? – прохрипел я, отфыркиваясь от снега, залепившего мне лицо.

– Единорог какой-то, – ответил из сугроба Лёва.– Очевидно, это именно он нам «перо вставил» и летать заставил.

– Какой же он единорог, если у него целых два таких зловещих рога?

– Он, наверно, единорог-мутант. Из Чернобыля сбежал.

-Слушай, откуда бы он не сбежал, хоть из ада, но наших дам он сейчас точно затопчет, если на рога не подымет. Надо спасать их. Ведь они наши жёны.

–А что мы сможем сделать с голыми руками против таких рогов и копыт.

–Мы устроим ему снежный «самум»,– бодренько ответил Лёва и мы, разом выскочив из сугроба, всеми четырьмя руками осыпали нападавшего злодея сплошным снежным зарядом. Этого террорист не ожидал, он заревел и закрутил головой, отчего вдруг из снежной пурги, как из густого тумана, попеременно стал высовываться то один крутой рог, то другой. Затем они исчезли оба.

– Ура, мы его победили, – возликовал Лёва и тотчас кубарем покатился в другой сугроб, а вслед за ним и я. Оказалось, что, воспользовавшись снежной завесой, рогатый террорист ухитрился обойти нас с тыла и опять стремительно атаковал в самое незащищённое место. Пока мы с Лёвой вновь отфыркивались и отряхивались, злодей отбежал на приличное расстояние и снова с разбега устремился к нам, пытаясь взять на таран. Наши жёны разумно

ретировались за спасительную вербу. Лёвушка всё ещё кувыркался в сугробе, а мне вдруг пришло в голову неожиданное решение.

Мгновенно сбросив с себя ярко красную куртку, я выставил её как матадор алую мулету, плавно отводя её от себя. Рогатый хулиган отреагировал совершенно правильно и атаковал куртку красивым проходом влево. Мощно развернувшись, он сделал сольный проход уже вправо. Затем ещё и ещё несколько раз. Видимо, ему это понравилось, и конца этим пируэтам видно не было. Как назло, ни шпаги, ни даже хорошей палки в руках у меня не было.
– Слушай, надо вооружаться, – взмолился Лёвушка, – а то мы проиграем эту новогоднюю «кампанию». Он же возьмёт нас на измор. Очевидно, ему нравится подобный тур вальса. Ты пока отвлекай его, а я вон тот дрын оприходую,– показал он на здоровенный кол в заборе. – Другого метода борьбы с агрессорами я не знаю.
– А я тоже что-нибудь найду,– сообразил я и метнулся к суковатой вербе. Через минуту вооружённые до зубов кольями мы обернулись к рогатому злодею и остолбенели. Наш яростный недруг неожиданно застыл на месте, вовсе не обращая внимания ни на нас, ни на красную куртку. Он обоими своими кривыми рогами уставился не куда-либо, а именно на бутылку водки, в суматохе выпавшую из рюкзака и горделиво торчащую в сугробе. Он мелкими кривыми шажками топтался вокруг неё, бережно принюхивался к ней, тихонечко подталкивал её бородатой мордашкой, и даже несколько раз недоверчиво лизнул резьбовое горлышко, недвусмысленно поглядывая в нашу сторону.
– Я кое-что начинаю понимать, – заметил сообразительный Лёвушка. – Это порочное животное сбежало не иначе, как из вытрезвителя.
– Лёва, – теперь дошло уже и до меня,– это же не единорог, а самый обыкновенный деревенский козёл, но глубоко испорченный дурным воспитанием или гадким примером.
– Коля, – ответил мне глубокомысленно Лёвушка,– да это же действительно наш родной русский козёл, чего же мы от него хотим? К тому же ведь праздник на носу. А ты не забыл, что мы сегодня встречаем как раз Год Козла, именно чёрного. Так почему же ему не выпить с нами хотя бы раз в двенадцать лет?
Отряхнувшись от снега и отдышавшись, мы разлили себе ещё по маленькой, а рогатому и бородатому имениннику щедро накапали на подсоленную горбушку хлеба. Он с аппетитом сжевал её, что-то благодарно проревел нам по-своему, по козлиному, помотал головой и, слегка пошатываясь, направился куда-то своей особой дорогой. А мы пошли своей и добрались, наконец, до Васиных новых ворот.
Услышав о наших приключениях, Вася хохотал бешеным филином:
– Это же мой козёл Кузьма, единственный в деревне козий дружок, – пояснял он между взрывами хохота. – Коз тут немало, город рядом, а молоко очень полезное. Вот его мужики и стимулируют за его очень важную и полезную работу. Приучили до того, что у всякого прохожего Кузя стал чарку требовать, вот и на вас вышел. А кто ему не поднесёт, очень он обижается. Погуляет вот так по деревне, наугощается до того, что хоть рога узлом завязывай,

потом возвращается домой и блаженно спит, развалившись во дворе, храпя, как сытый слон.
В полночь, под торжественный бой курантов мы с бокалами пенного шампанского вышли во двор. Посреди него, возле собачьей конуры, вольно раскинувшись всеми четырьмя ногами, действительно спал с громким храпом в стельку пьяный Кузьма. Мы не стали его будить. Осторожно чокнувшись с его крутыми рожками, мы шумно и радостно встретили Новый Год – Год Чёрного Козла. А в этот год всякий козёл просто обязан быть счастлив.

ГОД ОБЕЗЬЯНЫ.

Люди, родившиеся в год Обезьяны, крайне противоречивы и непостоянны. Это люди, обладающие умом, ловкостью, оригинальностью, изобретательностью и изворотливостью. Они очень легко решают самые сложные проблемы при помощи лукавства.

ГОД ОБЕЗЬЯНЫ ИЛИ ХВОСТАТЫЙ ПОЛТЕРГЕЙСТ.

На этот раз Новый Год, год Зелёной Обезьяны мы решили встречать у нас дома. Трёхкомнатная квартира позволяла нам достойно принять гостей, кулинарные способности моей Катюши ни у кого не вызывали сомнений, а предпраздничное настроение у нас было боевое и атакующее. И когда наши друзья, Лёва с Люсей, 31 декабря явились к нам с сумками, пакетами и кастрюльками, у нас в гостиной уже стоял накрытый по всем правилам застольного искусства стол, на котором, среди салатных редутов и сервелатных заграждений, в окружении горячих точек с ароматной снедью настороженной батареей застыло охлаждённое шампанское.

Каждой клеточкой разбуженного аппетитом тела ощущая это великолепие, мы в канун Нового Года наконец-то сели за стол, и, наполнив рюмочки для торжественных проводов неплохо потрудившегося Старого Года, посмотрели на Лёвушку, ожидая соответствующего тоста, на которые он был непревзойдённый мастер.
– Ну, за Старый год,– радостно вскричал Лёвушка. – Спасибо, что был. Хорошо, что ушёл. Ну, будем, – подмигнул он мне, лихо взял на грудь, но выпить не успел.
Резкий дверной звонок остановил нас всех на самом интересном месте.
–Ну, кого чёрт несёт в такой момент? Это же преступление против человечности, тормозить в такую минуту,– скривился Лёвушка.
Я пожал плечами и пошёл к двери. Но за ней никого не было. Пожав плечами, я вернулся к столу. Но едва мы опять поднесли рюмки ко рту, нас остановил свистящий шёпот Люси:
– Это что такое?

Мы проследили за её взглядом и тоже оторопели. Под прикрытой дверью к нам в комнату медленно вползала невесть откуда взявшаяся репродукция

картины на библейскую тему с отрезанной окровавленной головой на роскошном блюде.
– Это что за шутки под Новый Год? – возмутился я и резко открыл дверь. За ней опять никого не было.
– Что за чертовщина? – спросил я сам себя и посмотрел на Лёву. Он скорчил недоумевающую рожу и пожал плечами. В этот момент на кухне что-то грохнуло. Я влетел туда – на полу валялась упавшая со стола ваза с фруктами. Одно яблоко было мелко надкушено. На кухне никого не было. Я точно знал, что несколько минут назад эта ваза была на столе, и все яблоки были целёхонькие, ибо сам их укладывал в злополучную вазу.
– Что случилось? Кто уронил вазу? – засыпали меня вопросами женщины, как сороки, влетевшие на кухню. Я молча посмотрел на них и уныло пожал плечами. В районе солнечного сплетения возник странный колючий холодок. Вдруг в нашей спальне бешеным слоном взвыл забытый в розетке пылесос. Пока мы его выключали, в прихожке обрушилась вешалка с нашими шубами и куртками.
– Лёва, мне страшно, – прошептала Люся, готовясь, по обыкновению, упасть в обморок.– Что здесь происходит?
– Ну что ты, подумаешь, вешалка упала. Понавешали на неё, понимаешь, польт,– успокаивал её Лёвушка, стуча зубами. В это время мимо него со свистом пролетел фаянсовый бокал, с ужасным грохотом разбившийся о стену. Мы все тотчас, как по команде, упали на пол.
– Это уже т-т-тяжёлая артиллерия. К-К-Коля, что у тебя т-т-творится в квартире? Это что, такой н-н-новогодний розыгрыш. Ну, сначала дал бы хоть выпить немного для храбрости. А если по башке таким предметом? Ты соображаешь, чем это грозит? Ну и шутки у тебя, боцман.
– Причём тут розыгрыш! Я сам не понимаю, что происходит,– оправдывался я. – Это же был мой любимый бокал, подарок тёщи. Теперь она совсем съест меня, когда узнает, что бокал разбился.
– Ну, так что же тогда у нас происходит? Объясни, ведь ты хозяин, и ты в ответе за всех нас, гостей, за наши жизни, наконец.
И тут раздался свистящий шёпот Люси:
– Эх вы, недотёпы. Я поняла, что происходит. Это же настоящий полтергейст.
– Полтер, что? – переспросил Лёвушка.
– Полтергейст, игра духов, – шёпотом пояснила Люся. – «Барабашка» тут поселился. Ты, Коля, нагрешил, наверное, немало в последнее время. Признавайся поскорее, где, с кем и сколько раз, пока «барабашка» нам голову утюгом не проломил.
На кухне опять что-то громыхнуло. Мы, стараясь не шуметь, по-пластунски перебрались в гостиную и спрятались за диваном. Катя с подозрением посмотрела на меня.
Так вот в чём дело. А я-то думаю, чего это он всё по вечерам на сверхурочные работы остаётся. Так что у тебя там с Зинкой из планового отдела было?
– Друзья, так нечестно, – начал отбиваться я. – Во-первых, не Зинка, а Зинаида Фёдоровна, наш начальник планового отдела. Во-вторых, ничего не было, кроме

составления перспективных планов на следующий год. Очередной аврал в конце года. Вы же это прекрасно сами знаете.
– Тогда объясни, откуда взялся этот самый полк стерв гейш? Тут меня осенило.
– Ребята, а может «барабашка», этот самый Пол Тергейст, просто голоден. Представьте, мы сидим за столом, у нас и выпивки, и закуски до утра полно самой разной, а у него пусто, голодно и это очень даже обидно. Я бы тоже обиделся.
– Чего обижаться? Я тоже даже не только укусить, а и выпить ничего не успел, как атака началась. Так что ты предлагаешь, дать ему поесть?
– Да, мы сейчас скоренько сварганим бутерброд и оставим ему на кухне. Если клюнет на угощение и утихомирится, то и мы сами, наконец, сядем за стол и съедим что-нибудь.

Так мы и сделали. Отрезали мы большущий ломоть хлеба, щедро покрыли его маслом, сверху положили, не жалея, красной икры, и осторожно оставили на кухонном столе рядом с чаркой охлаждённой водочки. Затем на цыпочках вернулись в гостиную и тихонечко подняли рюмки. Было тихо. Мы выпили. Тихо. Закусили тем, что попало под руку. Тут из кухни донеслось какое-то шевеление, затем не то сопение, не то чавканье. Мы затаились серыми мышками, даже дышать перестали. Я осторожно заглянул на кухню. Никого. Только на столе сиротливо стояла одинокая пустая рюмка. Бутерброда на столе не было.
– Клюнул! Клюнул «Барабашка» на наш бутерброд, – радостно зашептала Люся. – Я же говорила, что он голоден. Теперь он наш. Отбой тревоги. Ур-р-р-а!

Но тут в ванной вдруг с рёвом открылись все краны, зарычал бешеным басом унитаз, опять с вешалки слетели все наши шубы, на кухне со стола с грохотом слетели ножи и вилки, и, наконец, внезапно погас свет.
– Я хочу домой, – жалобно застонала в темноте Люся.– Это не Новый Год, а эксперимент на выживание. Инквизиция какая-то. Я не хочу быть самым последним новогодним героем.
– Я тоже хочу к тебе домой,– согласилась с ней моя Катя. – Этот Пол бутерброд слопал, а лучше не стал. К тому же он теперь уже водочки выпил. И ничего хорошего от него ожидать не следует.
Вдруг в темноте Люся как-то странно взвизгнула:
– Ой, кто это? – Что у тебя опять?– раздражённо спросил её Лёва.
–Ой, меня кто-то трогает, — опять пискнула Люся.
– Кто и где тебя трогает? Хватит выдумывать! – рявкнул Лёва.
– Ничего я не выдумываю. А то ты не знаешь, где трогают?— закокетничала она.
– Действительно хватит,– рассвирепел я, зажигая карнавальные свечи. – Это почему же домой? А как же Новый Год? – Я шумно возмущался в слабом таинственном свете крохотных свечечек. – Так дело не пойдёт! Да что это такое творится в моей квартире! Никаких таких грехов я не совершал, а за что нам всем такое наказание, понятия не имею. А,– вдруг сообразил я,– теперь я знаю, что нам надо делать,– и решительно добавил: – Если «Барабашка» поселился в моей квартире, то его надо отсюда выгнать. Для этого нам срочно нужен

экзорсист.
– А зачем нам таксист?– не поняла Люся.
– Не таксист, а экзорсист, то есть – изгоняющий дьявола.
– А где его взять в новогоднюю ночь? – резонно спросил Лёвушка.
– Ну, хотя бы экстрасенс, – согласился я.
– Лёвушка у нас экстрасенс, – пролепетала Люся. – К нему ложки прилипают. И сны у него вещие. А к получке у него страшно рука чешется, правая.
– Лучше бы деньги к нему прилипали.И мыться надо почаще, а не только к получке, – зло подумал я про себя, а вслух сказал:
– Годится. Значит, экзорсист у нас уже есть. Теперь надо воду святую достать.
– А может попробовать вот эту газированную, нашу «Монастырскую», – предложил Лёва. – Она ведь оттуда, со Шмаковки, с монастыря, почти святая. И название соответствует.
– Годится. – Я был настроен решительно.– Теперь нужно кропило.
– А веник не подойдёт Он у нас ещё новенький.
– Подойдёт. Будем действовать. Люся, бери свечи. Катя, наливай в тазик «Монастырскую». Лёвушка, вот тебе веничек. Начинай кропить квартиру, особенно углы. Бесы по углам любят прятаться. И шепчи молитву изгоняющую.
– А откуда мне её знать. Ты что, полагаешь, я семинарию факультативом окончил?
– Хватит болтать,– рассердился я.– Если ты окончил филологический факультет, то любую молитву сотворить должен уметь. Иди и читай, придумай же что-нибудь.
– Ну, пожалуйста, – ответил послушный Лёвушка, взял в руки веничек, что-то негромко бормоча под нос, обмакнул его в тазик с газировкой, и мы пошли по квартире со свечками, брызгая в стороны и мелко крестясь. Когда мы обошли всю квартиру и подошли вновь к прихожке, входная дверь вдруг осторожно отворилась, и к нам заглянул наш сосед по лестничной площадке Костя, второй механик танкерного флота. Он недоумённо посмотрел на нас, покрутил головой:
– О, как у вас тут интересно. Маскарад такой весёлый. Что это вы тут делаете?
– Тише ты,– оборвала его Катя.– Видишь, дело серьёзное. «Барабашку» изгоняем. Завёлся тут у нас с чего-то, шалит, посуду швыряет, Новый Год мешает встретить.
– Да ты что? – удивился сосед. – Вот ведь как. А Тишка не у вас? Дверь-то у вас приотворена была немножко. Вдруг забежал. Он у меня тоже пошалить любит.
– Какой-такой Тишка? – мрачнея и предчувствуя нехорошее, переспросил я.
– Да мартышку я последним рейсом из Индии привёз. Такая проказница. Всё норовит из дома удрать и нахулиганить.
– Мартышка, говоришь, – задумчиво переспросил я, окинул взглядом нашу компанию : Лёвушку с веничком, себя с тазиком, наших жён со свечками и упал на пол, корчась от убийственного смеха. Лёвушка посмотрел на меня, стряхнул на меня с веничка святую газировку, отшвырнул веник в сторону, и тоже упал в кресло, сотрясаясь в диком хохоте.
А Костя, глядя на наши страдания, тихонечко позвал:
– Тишка, Тишка.

И вдруг откуда-то из под наших шуб выскочило к нам нечто тёмное и стремительное, сразу сиганувшее на люстру, с неё улетевшее на кухню, отчего там опять загремела посуда и опрокинулся стул. Затем этот «метеор» оказался в спальне, где с грохотом упал торшер.

Это нечто, оказавшееся миленькой проказливой мартышкой, ещё многое успело бы натворить, если бы оно вдруг не очутилось на руках у Кости, тотчас выудив из его нагрудного кармана вкусненькую карамельку и немедленно бросив её в свой чумазый роток.

И тут на нас, оторопевших от событий, вдруг отовсюду торжественно поплыл долгожданный новогодний бой курантов. Ахнув, мы, как были, при свечах скорёхонько сели за стол, заскучавшее шампанское тугой пенистой струёй хлынуло в бокалы, и с последним ударом часов мы все дружно чокнулись с мохнатым, весёлым и милым существом, так озадачившим нас в канун своего года — Года Обезьяны.

Чуть позже, наскоро приводя квартиру в порядок, я, всё ещё посмеиваясь, с интересом спросил у Лёвушки:

– Лёва, а ты великолепно провёл сеанс экзорсизма по изгнанию чертей из моей квартиры. Только вот скажи, пожалуйста, а что ты бормотал, окропляя углы газированной водичкой?

– А я читал письмо Онегина Татьяне. А что мне было делать? – добавил он под наш общий хохот. Однако на кухне опять что-то громыхнуло.

ГОД ПЕТУХА (КУРИЦЫ).

Люди, родившиеся в год Петуха, личности одаренные. Они любят трудиться, преданы своей работе, всегда стремятся выполнить свои обязанности успешно, даже такие, которые им не под силу. Они иногда бывают эксцентричны и не сразу находят контакт с другими людьми. В делах сердечных они не очень постоянны. Главный девиз Петуха: "Я всегда прав!"

БРИЛЬЯНТЫ В ПЕТУХЕ.

Готовиться к встрече нового года – Года Петуха, мы начали заранее. Это был Лёвушкин год, он грозил ему и всем нам некруглым, но всё равно юбилеем, и поэтому мы особенно рьяно суетились, готовясь встретить его приход в петушиных перьях во главе своих взъерошенных кудахчущих семейств.

И вот, наконец, этот чудный долгожданный вечер настал. Лёвушка, как ни странно, явился с Люсей вовремя, с большущим тортом в коробке, перевязанной крепкой бечевой. Сняв тёплую куртку, он поставил коробку на холодильник, несколько ослабив бечёвку. Затем мы все занялись предпраздничной суетой вокруг стола, на котором рождалось нечто удивительно вкусное.

Как всегда, ровно в одиннадцать часов, мы присели, чтобы успеть проводить уходящий год Обезьяны. Лёвушка, гримасничая, напялил маску отвратительной гориллы и провозгласил первый тост за уходящий год,

поблагодарил его за удачи, поругал за трудности. Потом мы с удовольствием опрокинули рюмки, проводив, таким образом, этот не самый удачный год. Помня, что между первой и второй промежуток небольшой, мы тут же налили и по второй. Лёва приготовился сказать новогодний тост уже по-настоящему. Он встал, пригладил свою несколько торчащую чёлку, глубоко и торжественно вдохнул ароматы стола и начал:

– Дорогие друзья! Только что мы проводили год, в течение которого были вынуждены жить жизнью наших хвостатых предков, отчаянно гримасничая и толкаясь вокруг пальмы в поисках спелого банана. Рад вам сообщить, что этот тягостный период заканчивается, и ему на смену спешит год весёлого боевого петуха, ярким представителем которого является ваш покорный слуга.

Лёвушка сделал многозначительную паузу, нервно сглотнул и только собрался было продолжить, как на стол перед ним вдруг упало нечто пёстрое и в перьях. От неожиданности все мы едва не свалились со стульев – перед нами по столу важно прохаживался здоровенный петух медно-красной боевой раскраски, искоса презрительно поглядывающий на нас между очередными пробами праздничных блюд.

– Лёва, кто это? – спросила строго Люся.

– Очевидно, петух,– очень умно ответствовал Лёвушка. – Ну, не курица же это, в самом деле. Но ответьте мне, откуда он взялся?

– Я сам хотел бы это знать, – произнёс я.— К тому же мне вовсе не нравится, что он увлёкся нашим салатом. Я сам его ещё не успел попробовать. Между тем, незваный гость, уверенно шагая по столу, действительно успел попробовать несколько блюд, пристроившись всерьёз и надолго возле нежнейшего салата «Оливье», приготовленного моей Катюшей. Я возмущённо махнул на него рукой, прогоняя со стола. Петух недоумённо посмотрел на меня, распушил крылья, и с боевым кличем больно клюнул меня в руку. Испуганные женщины посыпались из-за стола, я занялся клюнутой рукой, но тут появился бравый Лёвушка со шваброй в руках.

– Извините, сэр,– промолвил он петуху, пытаясь спихнуть его со стола. – Вы появились так внезапно, и на целых полчаса раньше положенного срока. Будьте так любезны подождать приход вашего Нового Года на лоджии, – бормотал он, подталкивая взъерошенного гостя к застеклённой лоджии. Но петух клекотал разъярённым орлом, храбро наскакивая на швабру. Будучи оттеснённым к окну, он вдруг неожиданно вспорхнул соколом и, перемахнув через стол, влетел в приоткрытую ванную.

С торжественным кличем воинственных команчей Лёвушка захлопнул дверь и гордо обернулся к нам. Мы молча поаплодировали ему.

– Свет выключи в ванной, – напомнил я Лёвушке. – Представители куриных в темноте предпочитают спать. Пусть он отдохнёт, мы с ним завтра разберёмся. А пока продолжим наш праздник.

Мы присели за стол. Лёвушка привстал с налитой рюмкой, приготовившись продолжить свой торжественный новогодний спич, как вдруг мы услышали изумлённый писк Люси из кухни.

– А где мои алмазные серёжки? Я их забыла нацепить в суматохе и положила на холодильник. Это же десять каратов. Нигерийская слеза чистейшей воды. Лёвушка их мне подарил на тридцатилетие. Это же «пол-тойоты»! – на высокой ноте закончила она.
Мы все с рюмками в руках собрались на кухне и тупо уставились на холодильник. На нём стояла лишь пустая коробка из-под торта. Крышка от коробки лежала на полу. Серёжек на холодильнике не было.
– Так вот откуда вылупился этот боевой птенец,– заметил я и посмотрел на Лёвушку. – Торт ты принёс?
Тот непонимающе пожал плечами.
– Я торт брал в кондитерской на углу. Петухов не брал. А может, это волшебный петух? – бросил он нам как-то интригующе. – Из торта возник вдруг. Но, действительно, есть вопрос – куда подевались Люсины серёжки?
– А чего тут думать, – мрачно сказал я. – Их слопал твой волшебный петух. Сейчас за ним с совочком ходить надо. Драгоценный помёт собирать. Он из торта возник, но боюсь, в «цыплёнка табака» превратится вскоре.
– А почему ты так думаешь? – наивно спросила Люся.
– А как иначе ты достанешь свою «нигерийскую слезу»? Он ведь может целый месяц твои серёжки в зобу носить.
– Ну да! У меня послезавтра бал-маскарад. Что я там без серёжек делать буду?
– Ну, значит надо браться за топор, – мрачно сказал я и посмотрел на Лёвушку.
– А что ты на меня смотришь? – подозрительно спросил он.– Я человек интеллигентный. И люблю животных, между прочим.
– А как насчёт цыплёнка-табака? И учти, что эти «пол-тойоты» – твои,– резонно заметил я ему. Он замолчал, обдумывая ситуацию. Затем решился.
– А топор у тебя есть?
– А как же, дедов ещё. Сталь не уступает дамасской. Рубит всё, даже рельс трамвайный. Достать? – спросил я ободряюще.
Левушка кинул мучительный взгляд на свою страдающую Люсю и решился.
– Готовь орудие труда, а я его сейчас поймаю.

Он снял с вешалки старую куртку, включил свет в ванной, решительно открыл дверь и шагнул туда. Тотчас поднялся невообразимый шум, посыпались с полок банные принадлежности, затем из ванной вылетел разъярённый петух, за ним появился Лёвушка весь в стиральном порошке, в перьях, и с фингалом под глазом.
– Клюётся, гад, как птеродактиль. Клыки у него там выросли, что ли.
– А синяк откуда? – спросил я ехидно.
– Так он на меня всю антресоль уронил. Еле увернулся. А то откапывали бы до самого утра. Где эта боевая птаха, фаршированная моими брильянтами?

Тем временем, невероятно возбуждённый петух, распушив своё яркое оперенье, снова нагло разгуливал по столу, не сводя с Лёвы налитых злобой глаз, и вовсе не обращая внимания на салат «Оливье». Лёва отвечал ему столь же красноречивым взглядом.
– Давай вытесним его на лоджию, а там зажмём в угол и схватим, – кровожадно молвил он.– Деваться ему будет некуда.

Я был вынужден согласиться. Зайдя с двух сторон, мы массированно начали наступление на агрессора, намеренно оттесняя к лоджии, где его ждал позорный плен и ужасный конец. Он чувствовал это, но ничего предпринять не мог. Грозно ворча по-петушиному, яростно скребя палас когтями, он юркнул на лоджию и затих там.
– Скорей туда,– скомандовал Лёвушка,– закрывай дверь и держи его.
– Кого держать? – лаконично спросил я, зайдя на лоджию. – Тут никого нет.
– Как нет? – взревел Лёвушка. – А мои брильянты?
Он влетел на лоджию. Она была пуста, как поле после жатвы. Только тут мы заметили приоткрытую форточку, через которую нас слегка обдавало восхитительным новогодним ветерком с морозцем.
– Держи вора, – заорал потерпевший Лёва и, схватив пальто, кинулся на улицу. За ним последовал и я. Наши жёны застыли в дверях в немой жуткой сцене.

На опустевшей в ожидании Нового Года морозной улице никого не было. Вдруг за углом мелькнула чья-то смутная тень. Мы метнулись туда и увидели одинокого прохожего, торопливо переходящего улицу. Из сумки, которую он держал в правой руке, торчала петушиная голова.
Лёва догнал его на середине улицы и решительно схватил за сумку.
– Стой, это мой петух. Пешеход в ужасе остановился и дрожащим голосом возразил:
– П-позвольте, но это мой петух. Мне его тёща подарила.
– А мои брильянты она вам не дарила, – наступал на него Лёвушка.
– Какие-такие бриллианты? – позволил себе возмутиться испуганный прохожий.—Что за шутки? Я домой тороплюсь. Скоро Новый Год. У меня гриль уже согрелся. Позвольте мне пройти, – добавил он просящим тоном.
– Ну, уж нет, не позволю, – воскликнул Лёвушка, схватил петуха за голову и выдернул его из сумки. Все мы оторопели. Из сумки с каким-то чмоканьем выскользнула жалкая петушиная голая ощипанная тушка. Лёва потерял дар речи.
– Вы, вы, когда успели ощипать его, садист вы эдакий?
Прохожий гордо выпрямился:
– Его тёща приготовила для меня ещё неделю назад, любезный вы мой. Позвольте пройти, я совсем опаздываю.

Он выхватил у застывшего в отчаянии Лёвушки мёрзлую тушку и торопливо продолжил путь к празднику. Я взглянул на друга и впервые испугался за него. Он стоял на проезжей части дороги и в немой мольбе тянул руки куда-то совсем в другую сторону. Я взглянул в ту сторону и тоже застыл в изумлении.

В трёх шагах от нас стоял некий молодой человек в распахнутом пальто, у которого на руках смирно сидел наш пернатый обидчик и злобно посматривал на нас налитым кровью глазом. А молодой человек легонько поглаживал его, ласково приговаривая:
– Петрушенька ты мой. Какой же ты умница, что нашёл меня. А я уже совсем с ног сбился. Хотел на телевидение бежать, объявлять о пропаже. Ах, ты мой славненький. Что бы я делал без тебя?

Петруше это явно нравилось. Он пригибал шею и мирно ворковал что-то по-своему, не сводя с нас настороженного взгляда. Лёвушка не выдержал этой идиллической сцены. Он подошёл к молодому человеку:
– Это ваш петух? – спросил он его. Молодой человек удивлённо окинул его взглядом, затем перевёл взгляд на притихшего забияку и ответил:
– Конечно! Это же звезда нашего цирка – Петруша. Вы бы видели, что он на сцене вытворяет. Петруша пропал внезапно в автобусе, когда я ехал к друзьям, спрятав его в коробку из-под торта. Сюрприз хотел им устроить. И действительно, устроил сюрприз. Открыл коробку, а там торт. А в чём, собственно, дело? – спросил он, озабоченно оглядывая нас с Лёвой.
– А дело всё в том, – грозно начал Лёва, но закончить не успел. Вдруг к нам подбежали наши запыхавшиеся жёны, и объяснили, что всё в порядке, что серёжки с брильянтами нашлись за холодильником, куда упали, когда петух выбирался из коробки. И тут на нас со всех сторон, изо всех окон и дверей вдруг обрушился новогодний бой кремлёвских курантов.
– А дело всё в том, – вдруг повторил Лёвушка уже совсем другим тоном, – что мы прозевали Новый Год. Пойдёмте к нам, и мы ещё сможем успеть поднять бокалы.

Под перезвон курантов мы всё-таки успели добежать до нашего стола, где подняли заждавшиеся нас бокалы за Новый Год, Год Петуха, который обязательно будет лучше прошедшего. При этом мы не забыли осторожно коснуться бокалом тугого боевого гребешка нашего симпатяги Петрушки, заставившего нас так поволноваться в эту необыкновенную новогоднюю ночь.

ГОД СОБАКИ.

Люди, родившиеся в год Собаки, обладают лучшими качествами: преданностью, честностью, самоотверженностью, справедливостью. Они располагают к себе своей искренностью и порядочностью, умеют хранить чужие тайны, хотя и отличаются остротой языка. Собака всегда встанет на сторону невинно пострадавшего, и будет бороться с несправедливостью.

ГОД КРАСНОЙ СОБАКИ.

Когда мы все вновь собрались встречать Новый год, по обыкновению первый тост взял на себя Лёвушка:
– Ну, с Новым годом вас, дорогие друзья, – душевно сказал он. – С годом Оранжевой Собаки.
– Ты что? – удивилась Люся,– не Оранжевой, а Огненной. Это Украина оранжевая, как китайский мандарин.
– Друзья,– возразил я,– вечно вы всё перепутаете. Не Огненной, а Красной Собаки. Огненный у них дракон.
– Много ты понимаешь,– небрежно бросил мне Лёва. – Дракон у них был синий, как синька.

– Сам ты синий, прямо ультрамарин с проседью,– парировал я. – Это петух был синий.
– Ты в своём уме? Ты где видел синих петухов? Разве в глюках только. – Лёва покрутил у виска. – Все знают, что петух был деревянный.
– А петух деревянный, по-твоему, нормально? – завёлся я. – Кстати, петух был женского рода.
– Мужики, вы ещё не пили, но уже заговариваетесь. Синий петух не значит, что он голубой. – Люся смотрела на нас с опаской.– Для неграмотных сообщаю, что деревянной была обезьяна.
– Люсенька, ты меня извини.– Лёва за правду был готов и на этот отчаянный шаг.– Ты у нас кто по гороскопу – Крыса. Вот поэтому возьми сырок, грызи его потихоньку и не мешай джигитам беседовать. А обезьяна, на самом деле, была зелёной.
– Это я – Крыса? – Люся стала легонько привставать. – А ты Петух с козлиной бородкой. А зелёной на самом деле была свинья.– Она еле сдерживала себя.
– Ну, друзья, так же нельзя,– возмутился я.– Свинья только ещё будет через год. И она будет красной.
– Слушай сюда, «Дарвин». – Лёва от возмущения вскочил, едва не опрокинув стол.– Ты когда-нибудь свинью видел? Они красные бывают? Красной крыса была, чудак.
– А крыс красных ты видел? – вкрадчиво спросил я. – Крыса была водяная. Вот!
– Ну, ты даёшь, Печкин! – Лёва от ярости покраснел пуще Деда-Мороза, с выпученными глазами застывшего под ёлкой. – Может, у тебя и бараны водяные бываю?
– А что такого? Вон в океане даже бегемоты плавают.
– Бегемоты, может, и плавают. Однако, эти упрямые твари ещё и в «Крауне» ездят, – заметил я с грубым намёком.
– А это ты к чему? У меня, кстати, «Краун».
Лева почему-то крепко задумался.
– Вот я и говорю. Упрямый, как синий бегемот.
– Да что ты ко мне привязался с этим бегемотом? – совсем обиделся Лёвушка.– Да я скорее на кенгуру похож. Такой же тощий, долговязый, и прыгаю хорошо тройным прыжком с разбегу.
– А вот этого не надо,– решительно вступила в перепалку Люся. – Все кенгуру уже давно в «Мерсах» ездят, а ты всё в своём двадцатилетнем «Крауне» ползаешь.
– Ну, знаешь, дорогая, все мои «Мерсы» в твоих брильянтах, однако.
– Друзья, не надо увлекаться семейными темами,– решил отвлечь их я. – Ведь сегодня мы встречаем год Красной Собаки, а не год Кенгуру на колёсах.
– Не Красной, а Огненной, – снова кинулась в атаку Люся
– Причём здесь огонь? – Лёва от возмущения расплескал шампанское в фужере.– Собака ведь деревянная. А дерево горит в огне. И поэтому этого не может быть.– Он торжествующе посмотрел на Люсю.
– Собака водяная. А вода не горит.

У меня начала потихоньку съезжать моя предновогодняя «крыша» от всех этих синих петухов, деревянных тигров и красных бегемотов. Меня вдруг осенило. Я поднялся с бокалом шампанского и проникновенно произнёс:

– Друзья, а ведь как прекрасно мы встречаем этот год Собаки. Неважно, какого она цвета или породы – красной, оранжевой или огненной. Вы заметьте, сначала мы здорово полаялись, как и положено породистым собакам. А теперь нам надо повилять хвостами и помириться. Мне только сейчас стало ясно, что самое для нас главное, чтобы в этом Новом Году это очень милое и умное животное было добрым. Добрым к нам, добрым ко всем хорошим людям и к нашей стране в целом. Вот за это я и предлагаю нам всем выпить этот заскучавший бокал с шампанским.

Мы повиляли хвостами и обнюхались. Наконец в комнате послышался долгожданный праздничный бой кремлёвских курантов. И в этот момент к нам в комнату вошла Красная Собака – прекрасный Лёвушкин красно-рыжий спаниель Рэмка. Он внимательно посмотрел на нас, и с двенадцатым ударом часов вдруг громко и радостно залаял, открыв, тем самым, свой начавшийся год.

Мы все дружно кинулись к нему и осторожно чокнулись с его холодным породистым носом, приветствуя наступивший Новый год – Год Красной Огненной Собаки. Пусть будет он тёплым и добрым для всех людей и собак.

ГОД СВИНЬИ (КАБАНА).

Люди, родившиеся в год Кабана, отличаются некоторой неряшливостью, неразборчивостью. Они прямолинейны и способны на самопожертвование. От природы наделены недюжинной силой. Для них существует только один, ими выбранный путь, они не допускают отклонений от него или отступлений.

ГОД КАБАНА, ИЛИ СВИНЬЯ ПОД ЁЛКОЙ.

Лёвушка был скучен, как прошлогодняя муха.

– Скоро Новый год, год Огненной Свиньи наступает. Как встречать будем?

– Естественно, свиной отбивной,– ответил я.

– Это понятно. А культурная программа?

– Спляшем что-нибудь.

– Мы же договаривались, что будет литературный вечер.

– Может, трёх поросят изобразим?

– Не получится,– хмуро отверг Лёва.– Нас всего двое. К тому же там Волк должен быть. Может, соседа Колю позовём?

– Не надо, с ним у нас водки не хватит.

– Может, Крошечку-Хаврошечку сыграем?

– Ты что? Это же про корову. К тому же её зарезали и съели.

– Да, неудобно получится. Изверги какие.

– Слушай, а давай «Кошкин дом» поставим. Там такая симпатичная свинья присутствует. Крачковская её играет.
– Не надо, где мы Крачковскую возьмём? Это же уникум. Да и Люся обидится. Решит, что это про наш дом сказка. Опять же актёров целый скотный двор потребуется.
– Слушай, а может, свинью под дубом изобразим!
– Идея! А что она делать будет?
– Жёлуди лопать и землю рыть.
– А я кем буду?
–А кем ты хочешь?
– Может, свиньёй? – с сомнением в голосе и во взгляде спросил Лёва.
– А что, запросто.
– Но, но,– обиделся Лёва,– я же худой.
– Ты не худой. Ты просто недокормленный. Но время ещё есть. Забудь про диету и налегай на углеводы.
– Сам ты дистрофик,– взвился Лёвушка. – Не хочу быть свиньёй. Люся засмеёт. Скажет, что рождён для этой роли.
– Ну, значит, дубом будешь, – решил я.
– А что, похож?
– Вылитый. Только лиственность слабая.
– Что ты имеешь в виду?
– А то, что если дуб лысый, как ты, то это уже дрова. А на дровах жёлуди не растут. Станиславский не поверил бы.
– Я не дрова. На мне жёлуди ещё растут,– угрюмо выдавил Лёва. – И Станиславский тут не причём. Я буду по западной системе играть. От ситуации.

На том и остановились. Я стал усиленно питаться, чтобы согнать с лица унылую дистрофичность. Лёвушка из зелёной шали сделал себе могучую крону и стал тренироваться шуметь листвой. А вместо жёлудей для новогоднего вечера мы приобрели килограмм орехов в шоколаде. Чтобы, если чавкать и хрюкать, то от истинного удовольствия.

Наконец, наступило 31-е декабря. Вечером мы собрались за праздничным столом у Лёвы. Как водится, оптимистичным собачим лаем проводили уходящий год Собаки, поблагодарили Красного Пса за то, что он очень мило побрезговал нами. Наконец, Люся встала под ёлкой и торжественно начала читку великой басни:

– «Свинья под дубом вековым наелась желудей досыта, до отвала».

Тут Лёвушка, шокируя дам, напялив на себя зелёно-лиственный парик, затряс головой, имитируя шелест листвы, и стал сыпать жёлуди-орехи в мисочку на пол. Я, в свою очередь, надев маску наглющей хрюшки, полез под стол лопать вкусные орехи. Но орехов в мисочке не было. Я не понял. Встал и говорю:
– Что жадничаешь? Сыпь орехи-то. А то свинья под дубом «дуба даст» от голода.
– Да, пожалуйста, – прошумел «листвой» Лёва.

И снова насыпал орехов. Я опять, кряхтя, полез под стол, приготовившись жевать и мерзко чавкать. Но не пришлось. Орехов не было. Ни одного. Я кое-как выполз из-под стола.
– Лева, ты издеваешься, что ли? Чего это я, как дурак, под стол впустую лазаю? Где жёлуди?
– Да я уже почти половину высыпал. Ты ими что, карманы набиваешь? Я вывернул карманы.
– Смотри, жмот. Ничего нет. Даже не попробовал.
– Но куда они деваются?
– Откуда я знаю? Давай, тряси, что осталось. Зрители скучают. Наши зрители-жёны, как ни странно, сидели за столом тихими мышками, лукаво переглядываясь между собой и мерзко похихикивая. Лёвушка опять зашумел листвой и посыпал жёлудей-орехов. Я поспешно полез под стол, чтобы не опоздать.
– Орехов опять нет, – взревел я от обиды. – Домовой их ест, что ли?
– Ты под столом посмотри,– посоветовал Лёвушка.– Может, закатываются куда-то.
Я посмотрел. Ничего никуда не закатилось.
И тут я услышал явное чавканье. А потом подозрительное похрюкивание. Наконец, из-за стройных Катиных ножек высунулся розовый пятачок, за которым показалась нахально чавкающая и хрюкающая мордочка. Послышался довольный голос Лёвы.
– Нашёл, всё-таки. Отлично хрюкаешь и классно чавкаешь. У тебя талант. Рыть корни начинай.
– Талант есть, но не у меня. Вот, жулик, столько орехов слопал. А я даже не попробовал.
– Ты это кому? – возмутился Лёва.
– Я не о тебе, – сказал я, и вытащил из-под стола довольно похрюкивающего малюсенького поросёночка. – А тебе, милый, в твоём юном возрасте, не вредно ли столько шоколада?
Поросёночек недовольно заверещал, требуя добавки. Мы высыпали ему в мисочку остатки вкусного реквизита. Кеша, как назвали поросёночка наши хитрющие жёнушки, быстренько доел остатки праздничного угощения и, несколько раз довольно хрюкнув, улёгся спать прямо под ёлочкой.
– Вот вам яркая иллюстрация к басне великого баснописца Ивана Андреевича Крылова. И никаких корней копать не надо.
Люся встала в позу музы, простерла руки к ёлке и приготовилась завершить читку басни, но в этот миг раздался новогодний бой курантов Спасской башни. Наполнив бокалы игристым шампанским, мы осторожно коснулись ими пятачка сладко спящего милого поросёночка Кеши, и все дружно пожелали, чтобы в Новом Году Огненной Красной Свиньи всюду и везде у нас всё было бы по-человечески хорошо.

Владимир Янов, г. Находка.
Рисунки художника Галинова А.А.